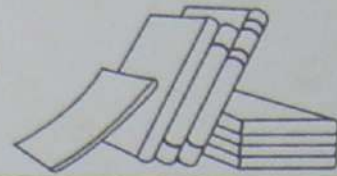
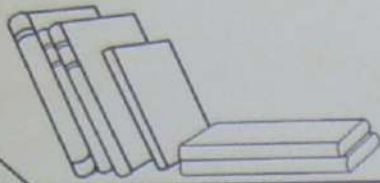

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВETERАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 1. От Урала до Берлина

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 1. От Урала до Берлина

НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Челябинск 2012г

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич

Участник штурма Берлина.

Почетный председатель городского комитета ветеранов войны,
военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович

Председатель Челябинской областной писательской
организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 1. От Урала до Берлина/Л.А. Попов – Челябинск,
2012.-56с.

На обложке фото (М. Альперта) «Комиссар» из фотоальбома С. Васильева
«Помнит мир спасенный»

Подписано в печать 10.08.2012 г. Формат 30х42/16.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 120 экз.

Заказ № 145

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)

454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26

ИНН 744 700 373 602

Уважаемый читатель!

Президиум Челябинского областного Совета ветеранов 25 мая 2012 года на своем заседании утвердил план основных мероприятий по подготовке и проведению 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг., и рекомендовал всем ветеранским структурам своевременно развернуть организаторскую работу по достойной встрече юбилея Победы, обратив особое внимание на вопросы патриотической направленности.

В настоящее время мы с вами встречаемся с фактами откровенного антипатриотизма. Согласно данным ВЦИОМа каждый 10-й россиянин испытывает желание уехать из своей страны. 23 мая газета «комсомольская правда» опубликовала потрясающие сведения Генштаба нашей армии: «235 тысяч молодых россиян уклоняются от призыва на военную службу». Острая необходимость в патриотическом воспитании вызвана еще и тем, что наглое, циничное извращение и перетряхивание исторических событий войны сегодня не знает границ. Победа в Великой Отечественной войне достаточно убедительна и достойна, но некоторые силы стремятся ее извратить, фальсифицировать, а подвиг нашего народа дегероизировать, и на это денег не жалеют. Все это заставляет нас задуматься не только о количественной стороне проводимых мероприятий, но и о их эффективности, так как вопросы патриотического воспитания современной молодежи стали теперь не только актуальными, но без преувеличения сказанного, судьбоносными.

Мы даем себе отчет в том, что из-за возраста и состояния здоровья не все ветераны войны могут пойти в молодежные аудитории и доходчиво, аргументировано рассказать «с чего начинается Родина». Мы полагаем, что создание Популярной библиотеки ветерана под общим названием «Бойцы вспоминают» будет способствовать накоплению и сохранению свидетельств непосредственных участников войны и тружеников

тыла о том, как добывалась Победа. Материалы «Библиотеки ветерана» радуют тем, что в них нет каких-то вымыслов, солдатских баек, восхваления чего-то и кого-то. Каждый описанный факт пережит пересказчиком лично и однозначно претендует на чистейшую правду. Ценность воспоминаний фронтовиков еще и в том, что они по понятным причинам уходят от нас в мир иной. Но, уйдя, они остались. Остались в своих рассказах о пережитом и напутствии нам живым. В этом смысле они бессмертны. Надо рассматривать эту серию как еще один поклон тем, кто на алтарь Победы положил все, в т.ч. и собственную жизнь.

Самых добрых слов благодарности, безусловно, заслуживает автор библиотеки Л.А. Попов. Данным изданием наряду с его пятитомной серией под названием «Годы, опаленные войной», он еще раз подтвердит то, что его смело можно назвать певцом народного героизма.

Воспоминания ветеранов, собранные в «Библиотеке», послужат хорошим наступательным методическим пособием для активистов в борьбе за правду о войне в воспитании настоящих патриотов и гордости за свое Отечество.

По замыслу автора к Юбилею Победы планируется выпустить 16 серий рассказов. Написанных на основе воспоминаний челябинцев – участников войны и тружеников тыла, которые, непременно, будут пробуждать патриотические чувства, и противостоять домыслам фальсификаторов истории.

В добрый путь, «Ветеранская библиотека».

**А.П. Сурков,
председатель областного Совета ветеранов,
генерал-лейтенант.**

ОТ УРАЛА ДО БЕРЛИНА

Боевой путь 152 стрелковой дивизии, сформированной на Урале, пролегал от Советского Заполярья до Берлина через Украину, Белоруссию, Восточную Пруссию и Польшу. За форсирование Днепра и освобождение города Днепропетровска осенью 1943 года дивизия награждена орденом Красного Знамени и ей присвоено наименование «Днепропетровской». За боевые действия на Бобруйском направлении в Белоруссии она удостоена ордена Суворова II степени. А за прорыв мощных оборонительных укреплений Кенигсберга в 1945 году на ее знамени засверкал орден Ленина. За взятие Берлина наиболее отличившемуся 646 стрелковому полку этой дивизии присвоено наименование «Берлинский», командовал им челябинец майор, впоследствии полковник, недавно ушедший из жизни Дмитрий Николаевич Тарасов. А один из офицеров этого полка, полковник в отставке, Алексей Степанович Белин долгое время являлся руководителем комиссии по работе с молодежью Челябинского областного совета ветеранов войны и труда. Во время одной из бесед, зная, что он является специалистом по военной педагогике, мы попросили его рассказать о том, как солдатам Отечественной удавалось, идя под пули, на верную смерть, преодолевать в себе страх. На что А. С. Белин ответил: «Страх — это особое психологическое состояние, знакомое всем, а вот перебороть его способен не каждый. Здесь большую роль играют личные качества человека: его характер, идейная убежденность и воспитание. Этими вопросами в Красной Армии ведали политорганы, партийные и комсомольские организации. Массовый героизм, проявленный бойцами и командирами в Великой Отечественной войне, в немалой степени и их заслуга. Что же касается моих личных наблюдений, то замечу: когда идешь на передовую, чувство страха есть. Потом оно притупляется. Прошел один день — ты жив, прошел второй день — тоже жив. И обо всем забываешь, кроме одного: командир всегда должен быть примером для своих подчиненных. Если солдаты увидят в глазах своего командира страх или растерянность, быть беде. И, наоборот, уверенность и бесстрашие командира вселяют в души подчиненных твердость и готовность стоять до конца.

Для меня, молодого офицера, в годы войны таким примером был начальник артиллерии полка капитан А. Денисов, удивительно собранный, храбрый человек. В марте 1943 года нашу дивизию перебросили из Заполярья под Харьков, где уже властвовала весна. Все

развезло, а мы в полушубках, валенках. Кроме того, тылы отстали, и мы, фактически, дней 10 просто голодали, каждому из нас выдавали по одной свекле и одному сухарику на день. Вот попробуй в таких условиях сохранить опрятный, бравый вид. А капитан Денисов, несмотря ни на что, всегда был чисто выбрит, подтянут, пуговицы и сапоги начищены до блеска, подворотничок выделяется белизной. Однажды, после нескольких дней голодания, опираясь на палочку, он пришел к нам на батарею, побеседовал с личным составом, подбодрил людей веселой шуткой, дал указание командиру и направился в штаб. Мы видели, как он шел по пригорку. И вдруг мина... ее слышно, когда она летит. Мина разорвалась совсем рядом с капитаном. А он не только не упал, не побежал, а даже не оглянулся, не ускорил шаг и продолжал невозмутимо шагать под обстрелом пока не скрылся в лесу. Этим своим поступком капитан как бы передал нам на батарею заряд твердости, добавил уверенности в свои силы.

Еще пример. В августе 1943 года на партийном собрании меня принимали в партию. Поздравили, вручили партбилет, перешли к обсуждению следующего вопроса. И в это время раздался оглушительный взрыв, и угол дома, где мы заседали, отвалился. Короткое замешательство. Кто-то уже хотел бежать. «Сидеть!» — зычным голосом скомандовал председательствующий старший лейтенант Г. М. Недопекин. И все остались на месте. Завершили собрание и только потом разошлись.

Вот такие маленькие эпизоды фронтовой жизни, в комплексе с политико-воспитательной работой, выковывали характер солдата, формировали в нем точку опоры, опираясь на которую в экстремальных условиях, он готов был к самопожертвованию.

Как-то в Берлине во время уличных боев мы закатили орудия на первые этажи зданий и через оконные проемы вели огонь по противнику. Мне потребовалось перебежать в соседний дом, но улица простреливалась снайпером. После каждого выстрела снайперу требовалось несколько секунд на перезарядку винтовки. Я этим решил воспользоваться. Выждал момент. После очередного выстрела выскочил из проема и побежал к противоположному дому. Вдруг чувствую удар по ноге. Заскочил в помещение, гляжу, а на правом сапоге каблука нет. Снайпер-то все-таки успел, но на прицеливание времени у него было маловато, и он лишь оторвал каблук от моего сапога, оставив на ноге синяк. В этом случае я откровенно играл со смертью и ее перехитрил. Если этот эпизод рассматривать с позиции мирной жизни, можно было бы назвать его даже героическим

поступком. А на фронте подобные случаи являлись обычной работой. Единственно, что огорчило меня в тот момент, так это испорченный сапог и больше ничего».

Рассказы А. С. Белина о войне отличаются лаконичностью и аргументированностью. Но не менее интересны его письменные воспоминания. Одну из важнейших операций по освобождению Украины, форсирование Днепра, он описывает так:

«Освобождению города Днепропетровска предшествовала мощная артиллерийская подготовка. Она началась 24 октября вечером залпами «катюш» по позициям противника. Вслед за «катюшами» открыли огонь орудия различных калибров и минометы. Несколько десятков минут стоял сплошной грохот. Незадолго до окончания артподготовки началась переправа через Днепр, прямо как по Твардовскому: «Переправа, переправа! Пушки бьют в кромешной мгле». Под прикрытием темноты и огня нашей артиллерии бойцы стали форсировать реку. Основными переправочными средствами были плоты, изготовленные из подручного материала. На них переправлялись артиллерийские орудия и минометы. А первый эшелон пехоты форсировал реку на надувных лодках и на деревянных рыбацких, которые собрали со всех прибрежных сел. Противник пытался воспрепятствовать переправе, открыв бешеный огонь из всех видов оружия. Его снаряды ложились так близко, что от их разрывов накренились лодки, их заливало водой. Были и прямые попадания. Над убитыми и ранеными смыкались днепровские волны. За треском и грохотом не слышно было ни криков, ни стонов.

Первым форсировал Днепр батальон, которым командовал коммунист капитан И. М. Юнин — племянник известного революционера И. В. Бабушкина. Вместе с пехотой переправилась и наша полковая батарея 76-мм пушек...

После освобождения Днепропетровска наш 646 полк завязал бои за высоту, которая много раз переходила из рук в руки. Как только стемнело, мы с большой осторожностью, вначале на конях, а затем на руках подкатили пушки, поднесли снаряды и хорошо окопались метрах в 100—150 от "противника. Справа и слева от орудий расположилась наша пехота. Рано утром немцы пошли в атаку. Первым заметил движение неприятеля разведчик старший сержант А. Козлов. Командир батареи старший лейтенант Г. Недопекин подал команду: «Картечью огонь!» После нескольких залпов наступление захлебнулось. И тогда гитлеровцы двинули против нас танки. Наши орудия непрерывно били по врагу. Их стволы накалились. «Гах-гах», — раздавались выстрелы

пушек. Пороховой дым от наших орудий и разрывов снарядов противника окутал огневые позиции батареи. Но батарейцы держались стойко. Особенно отличился в бою взвод старшего лейтенанта И. Ерохина, который вместе с пехотой сдерживал противника на левом фланге. Мастерски действовал наводчик рядовой Павел Ивченко, он был виртуозом своего дела, не только хорошо знал материальную часть пушки, но и обладал особым чутьем в стрельбе. Ведь мало совместить перекрестье прицела с движущейся целью, нужно еще выбрать удачный момент, чтобы произвести выстрел и поразить ее. И это ему удавалось. В бою за высоту он уничтожил два танка.

Во второй половине дня из четырех орудий три вышли из строя. Вместе с расчетом пушки лейтенанта И. Андреева, тяжело раненного в первой половине дня, и бойцами взвода управления я встал к орудию. Мы держали оборону высоты от наседавших гитлеровцев до наступления темноты, уничтожив еще один танк и много живой силы врага.

Задача взвода управления, которым я командовал на батарее, заключалась в разведке позиций врага, обнаружении его огневых точек, организации связи и корректировки огня батареи. Но приходилось и заменять выбывших в бою артиллеристов, а иногда выполнять роль пехоты. Так 24 июня 1944 года, например, после артподготовки мы получили приказ овладеть населенным пунктом. Преодолевая заболоченный участок нейтральной полосы, шли под обстрелом по колено, а то и по пояс в воде. Пехота отстала. Мы ворвались в село и завязали бой с гитлеровцами. В итоге задачу выполнили. Бойцы получили правительственные награды, мне вручили орден Отечественной войны I степени».

После окончания войны А. С. Белин закончил Высший военный педагогический институт имени М. И. Калинина и продолжал службу на преподавательской работе в авиационных военных учебных заведениях. Защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента. Многие годы возглавлял кафедру Челябинского высшего военного авиационного Краснознаменного училища штурманов, затем работал преподавателем в вузах Челябинска. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал вести общественную и научную деятельность. На его счету более ста опубликованных научных работ.

В канун праздников он часто получал благодарственные и поздравительные письма от бывших курсантов и студентов. Всегда радовался этому и гордился своими учениками.

СПАСИБО ОВИНОВ...

Первомайская демонстрация в 1999 году в Челябинске была особенно многолюдной. Как в добрые старые времена гремела музыка духовых оркестров, развевались красные флаги. Демонстранты двигались от Алого поля по проспекту Ленина и улице Воровского к Театральной площади на митинг. В праздничной колонне обращал на себя внимание ветеран высокого роста, на груди которого среди множества наград выделялись: орден боевого Красного Знамени, три ордена Отечественной войны и три ордена Красной Звезды. Это был подполковник в отставке Константин Степанович Овинов. Несмотря на 86-летний возраст он имел бравый вид и сохранял гвардейскую выправку, лишь при ходьбе слегка опирался на тросточку.

После окончания митинга мы попросили ветерана поделиться своими воспоминаниями о войне. Он согласился. И рассказал о некоторых памятных эпизодах своей службы в артиллерийском полку.

1. Первый бой

Война застала меня в Эстонском корпусе в должности комиссара 5-й батареи 627-го легкого артиллерийского полка. 26 июня 1941 года меня вызвали в штаб дивизии и говорят: «Бери в помощники старшего сержанта и отправляйся в Москву за пополнением, нам дают добровольцев». На другой день мы уже были в Москве. Получили 200 человек, из числа изъявивших желание выступить на фронт по призыву ЦК ВКП(б). Среди них были, в основном, партийные и советские работники, руководители различных предприятий, то есть люди надежные, крепкие коммунисты. Я их разбил на роты, взводы, отделения и назначил из их числа командиров.

На фронт ехали в товарных вагонах. В пути нас три раза атаковали немецкие самолеты. Сошли на станции Дно, так как далее поезда уже не ходили. До дивизионных складов продолжали путь на автомашинах с боеприпасами и другим армейским довольствием. А затем, построившись в колонну, двинулись походным маршем в направлении деревни Сорокино. Вдруг видим гонит навстречу нам полуторка, аж пыль столбом поднимается,

остановилась рядом с нами. В кузове десять милиционеров. Говорят: «В Сорокино не ходите, так как в соседней деревне высадился немецкий десант и движется в нашу сторону». Я рассказал им о своем задании и спрашиваю их:

— У вас оружие есть?

— Да, есть, — отвечают.

— Давайте его мне под расписку.

Они отдали мне пятнадцать винтовок, пять пистолетов и десятка два гранат.

— А бензин в деревне есть?

— Да, у нас в отделении милиции осталась бочка с бензином, мы не успели ее поджечь.

Вопрос о бензине я задал не случайно. Во время финской кампании мне пришлось иметь дело с зажигательными устройствами, которые сейчас в наших условиях были бы очень кстати. В Сорокино мы собрали у населения пустые бутылки. Заполнили их бензином. Я показал новобранцам, как нужно вставлять фитиль, как его поджигать и как правильно бросать бутылку с горючей смесью. Потом поставил задачу: всем рассредоточиться по домам, занять позицию и ни чем себя не выдавать. А когда колонна немцев войдет в деревню, по сигналу одновременно открыть огонь, забрасывать ее гранатами и бутылками. В первую очередь уничтожать машины в голове и хвосте колонны. Сельское население предупредили, чтоб из дома на улицу никто не выходил. Старший сержант с винтовкой и гранатами залег в канаву у мостика. Мы договорились, что если впереди колонны будут ехать мотоциклисты, то он их пропустит.

Часа через полтора колонна вошла в село. Впереди ехали два мотоциклиста, за ними четыре бронетранспортера и две танкетки, замыкали колонну тоже мотоциклисты. Колонна дошла до мостика, под которым укрылся старший сержант. Я приготовился подать условный сигнал. Но мотоциклисты вдруг развернулись, подъехали к головному бронетранспортеру. Из его люка вылез по пояс офицер и поднес к глазам бинокль. В это время прозвучал выстрел старшего сержанта. Офицер откинулся назад, мешком свалился в люк. И сразу же со всех сторон полетели в колонну гранаты и зажигательные бутылки. Немцы что-то пытались предпринять. Один из бронетранспортеров резко повернул налево, но передок его уперся в канаву. Танкетка, дав задний ход, зацепила

бронетранспортер. Бутылки же продолжали лететь, разбивались о броню машин. Горящий бензин растекался, через щели проникал внутрь, и вскоре все машины пылали. Удрать удалось только одному мотоциклисту, из числа замыкавших колонну. Были пленные. Один из них говорил по-русски.

— С каким заданием вы прибыли? — спросил я его.

— Громить тыловые коммуникации и сеять панику, — ответил он.

Обстановка для нас была сложной и неясной, поэтому пленных пришлось расстрелять.

2. Желтый портфель

Под Старой Руссой у врага создалось многократное превосходство в технике. Его самолеты буквально гонялись за каждым нашим солдатом. Мы отступили. Перебазировался на новое место и командный пункт дивизии. Комдив полковник Миассян, не спавший уже вторые сутки, но чисто выбритый, подтянутый, подошел к расстеленной на траве плащ-палатке и, обращаясь к начальнику штаба, сказал:

— Ну-ка давай сюда карту.

— У меня ее нет, — ответил начальник штаба.

— А где она?

— Карта находилась в желтом портфеле.

— Где портфель? — обратился комдив к адъютанту.

— Он остался на старом командном пункте, — ответил адъютант-капитан средних лет, худощавый, черноволосый, с продолговатым носом, типичный интеллигент. Комдив держал его в штабе за то, что он хорошо знал немецкий язык.

— Немедленно доставить портфель ко мне!

— Но ведь там уже немцы, вы посылаете меня на верную смерть, — с испугом возразил адъютант,

— Выполняйте приказ или я отдам вас под трибунал.

Но адъютант уже настолько перетрусил, что не мог владеть сам собою.

— Под трибунал его! — вскипел комдив, повернулся ко мне и говорит:

— Овинов, возьми сколько нужно солдат и во что бы то ни стало доставь сюда карту.

Я посчитал, что двух автоматчиков мне достаточно. Но едва с ними отошел метров на пятьдесят, как вокруг нас засвистели пули. Мы залегли. Стреляли из нескольких мест. Обошли одно из них с тыла и увидели трех гитлеровцев. Уничтожили их и побежали в сторону березового колка, за которым на поляне совсем недавно располагался командный пункт. Березняк преодолели быстро и находились почти у цели, как вдруг увидели с противоположной стороны поляныдвигающуюся цепь немецких солдат. А командный пункт находился между нами и немцами. Времени на размышление не было. Оставив автоматчиков в засаде, я, укрываясь за случайными бугорками и, густым пыреем, добежал до командного пункта, спрыгнул в блиндаж — и у меня чуть ноги не подкосились: портфеля нигде не было. Заглянул в одну щель — нет, заглянул в другую — тоже нет. А немцы уже подходят, и уже слышны их покрикивания. Потом вижу шинель лежит, поднял ее, а под ней — желтый портфель. Схватил его. Обрадовался. И неожиданно почувствовал небывалый прилив сил. Дал сигнал автоматчикам, чтоб они отвлекли противника огнем, и помчался под прикрытие деревьев; затем втроем, отстреливаясь на ходу, мы благополучно вернулись в дивизию.

Комдив, увидев в моих руках портфель, подошел ко мне, обнял, поцеловал и говорит: «Спасибо, Овинов, ты спас дивизию, а меня спас от трибунала».

Шел третий месяц войны. Орденами и медалями тогда не награждали, потому, что мы все время отступали.

3. Под Прохоровной

Послевоенные историки подсчитали, что в танковом сражении под Прохоровкой, во время Курской битвы, участвовало с обеих сторон одновременно 1500 танков. И только за один день немцы потеряли там 350 машин и десять тысяч убитыми. Мы же 11 июля 1943 года не догадывались, что завтра нашему 61-му гвардейскому легкому артиллерийскому полку придется участвовать в сражении, которое войдет во все школьные учебники по истории.

Вечером я обошел изготовившиеся к бою орудийные расчеты, побеседовал с бойцами. Убедился в их готовности к встрече с врагом. Летом ночи короткие. Быстро наступило утро. 12 июля, едва показалось над горизонтом солнце, как на обширную поляну

близ села выкатилась колонна вражеских танков, за ней другая. Прозвучала команда: «К бою!» И первые залпы разорвали тишину. Медлить в дуэли с танками — смерти подобно. Наши орудия прямой наводкой посылали снаряд за снарядом по бронированным чудовищам с белыми крестами на башнях. А наперерез им уже неслись советские танки. Совместно с ними мы вели непрерывный огонь с дистанции 600—800 метров. Стволы орудий накалились до предела, к ним нельзя было прикоснуться рукой. В таких случаях полагалось делать перерыв в стрельбе, так как от нагрева ствол пушки расширяется, и она начинает словно «выплевывать» снаряды, точность стрельбы при этом снижается. Мы же били по врагу до тех пор, пока можно было отличать немецкие танки от наших. А потом все перемешалось. Стоял сплошной гул, черный дым от горящих машин поднимался высоко над землей, закрывая уже взошедшее солнце. Ветер дул в сторону противника, и при этом мы в чем-то выигрывали.

Потеряв перед собой цель, артиллеристы дали передышку своим орудиям, но внимательно следили за полем боя. Едва только на левом или правом фланге из горящего и дымящего, гигантского танкового «муравейника» показывалась немецкая машина, все орудия накрывали ее своим огнем.

Постепенно наступление врага захлебнулось, он перешел к обороне, а потом начал отходить. Наши пехота и танки его преследовали. Пришел приказ и нашему полку выдвинуться на новые позиции. По пути мы проезжали мимо брошенной немцами батареи 55-миллиметровых противотанковых орудий, рядом с которыми валялись между стреляных гильз, станин, и на станинах в разных позах трупы артиллеристов, прикованных цепями за ноги к орудийным лафетам, по четыре трупа у каждой пушки. Я обратил внимание, что возле одной пушки лежал пятый труп офицера, следов цепей на нем не было. Кто их перебил — неизвестно, но только не артиллеристы, так как воронок от снарядов вокруг не было. Я дал возможность бойцам посмотреть на эту картину, и мы двинулись дальше, в сторону Белгорода.

4. Возмездие

Приказ выдвинуть все батареи к вражескому аэродрому и не допустить вылет самолетов из Корсунь-Шевченковского котла

поступил во второй половине дня, а с наступлением темноты наш полк уже находился в походе. Был февраль. Шел снег с дождем. На дорогах была непролазная грязь. Машины буксовали, артиллеристам приходилось постоянно толкать их. Двигались в темноте. Фары включать запрещалось. Лишь иногда командиры пользовались карманными фонариками. Незадолго до рассвета орудийные расчеты встали на огневые позиции вдоль взлетной полосы.

Рано утром, едва стали просматриваться контуры аэродромных сооружений, послышался шум запущенного авиадвигателя и первый самолет вырулил на старт. Раздалась команда «Огонь!». Все батареи разом начали обстрел аэродрома и продолжали его около часа. Транспортные самолеты горели и разваливались на земле. Бомбардировщики при попадании в них снарядов взрывались, вероятно, они уже с вечера стояли с бомбовой нагрузкой. Лишь одному самолету удалось взлететь. Было видно, как из его открытого люка кто-то болтался, по-видимому, какой-то человек вцепился при взлете за борт, а забраться вовнутрь не мог. Один из снарядов достал и этот самолет. Он рухнул в конце взлетной полосы, на которой уже горело все, что только могло гореть, и повсюду валялись трупы.

После артобстрела мы не обнаружили на аэродроме ни одной живой души. Но, поднявшись на расположенную за взлетной полосой возвышенность, увидели в низине, у выезда из Корсунь-Шевченковского большое скопление живой силы и техники противника, стремившегося поскорее покинуть город.

Наши батареи вновь возобновили огонь, теперь уже с закрытых позиций по скопившемуся врагу, посылая снаряд за снарядом, до полного уничтожения противника.

5. Солдатская находчивость

Грязь на дорогах, ведущих к Умани, была такой, что подошвы от сапог отрывались. В пути застревали даже танки. Автомобили безнадежно отстали. И артиллеристы тянули орудия своими силами. Прибыв в Умань, они, изнеможенные, буквально валялись с ног. А в полк пришел новый приказ: «В 5 часов утра выдвинуться на передовые позиции, поддержать огнем пехоту и не дать противнику закрепиться на берегах Южного Буга».

— Без машин мы до позиций свои пушки не дотащим. Люди измучены, не дойдут, — заявили мне командиры дивизионов. И тогда пришлось использовать последний резерв, которым всегда была сильна Красная Армия. Я попросил коммунистов и комсомольцев выйти вперед и сказать свое слово, рассчитывая, что их примеру последуют остальные бойцы. Так и произошло. Мы договорились, что, несмотря на трудности, завтра утром выступаем в поход.

На рассвете следующего дня, когда объявили подъем, я с удивлением увидел, как вместе с бойцами поднимаются с земли коровы, быки и, уж совсем неожиданно для меня, верблюды. Тут же появилось несколько лошадей. Оказывается, бойцы с вечера собрали оказавшийся бесхозным в ходе боев скот и впрягли его в свои орудия. Где они нашли верблюда, я до сих пор не знаю, но 76-миллиметровую пушку он тащил даже лучше, чем лошадь.

Немцы из-за погодных условий тоже испытывали неудобства. Наше появление оказалось для противника неожиданным. Артиллерийский огонь застал гитлеровцев врасплох, среди них началась паника, и они бросились бежать на противоположный берег реки, не успев даже взорвать за собой переправу. Наша пехота, поддержанная артогнем, наступая на пятки противнику, ворвалась на другой берег и захватила плацдарм, очень нужный для развития последующего наступления.

6. Случай в Будапеште

Во время боев за Будапешт остатки немецких войск укрылись в центре города за мощными крепостными стенами королевского замка. С целью деблокирования их другая группировка гитлеровцев с танками и артиллерией повела наступление со стороны озера Балатон и серьезно потеснила внешнее кольцо окружения. Но своевременно подошедшие подразделения дивизии, в том числе дивизионы нашего полка, отбросили противника от города и продолжили очищать районы Пешта, а потом Буды, где мы вскоре заняли под штаб один из особняков и долго там стояли. Немцы в замке все это время находились в осаде. Их бомбили с воздуха. Подвезли осадные минометы. Готовился к высадке на территорию замка десант. А между тем ночью одновременно с четырех сторон открылись ворота в крепостной стене. И из них

вышли колонны якобы плененных немцев. Одна из них, как выяснилось позже, численностью до 4 тысяч человек, двигалась в нашем направлении. Ее сопровождали конвоиры в форме красноармейцев, в плащ-накидках, с автоматами ППШ в руках. Часовые первого кольца окружения окликнули их:

— Стой! Кто идет!

— Свои. Плененных немцев ведем, — ответили конвоиры на чисто русском языке.

Колонну пропустили. Пропустили ее и часовые нашего полка. А вот когда колонна прошла штаб дивизии и повернула на шоссе, один из конвоиров вдруг повернулся и расстрелял наших часовых. Немедленно была объявлена тревога по всем частям дивизии. Колонна же продолжала движение по шоссе. Встретив автомашину с ехавшим в ней санинструктором, немцы уничтожили ее.

Начальник вооружения полка старший лейтенант Алферов, уже предупрежденный по телефону о произошедшем, затащил на чердак здания пулеметы и встретил колонну плотным огнем. Немцы побежали вдоль крутого склона. Спрятаться им не за что было, поэтому Алферов буквально завалил шоссе трупами. Но этой причине утром я не мог проехать в тыл полка.

Для освобождения проезжей части дороги мобилизовали мадьяр. Они изготовили специальные приспособления, накидывали проволочные петли на ноги трупов и оттащивали их в сторону.

Не удалось уйти и трем другим колоннам. Среди плененных оказалось 36 немецких генералов. Выяснилось, что в колоннах находилось немало власовцев. Вот они и разыграли роль красноармейцев-конвоиров.

7. Шутка пехоты

Мы — артиллеристы, поддерживая огнем своих орудий наступающие войска, всегда двигались вслед за пехотой. Однажды в Австрии близ селения Поесдорф, когда пехота ушла вперед и управление нашей дивизии тоже, мы ехали на легкой автомашине по местам, где только что отгремели бои, еще дымились развалины, а на дороге постоянно приходилось объезжать воронки. Случайно, взглянув вправо, я увидел, как из расположенного поблизости окопа, опершись на локти, смотрит в нашу сторону, приставив к глазам бинокль, немецкий генерал. Мы быстро покинули машину, дали по немцу очередь из автомата. Но

он как ни в чем не бывало продолжат нас рассматривать. Я приказал дать еще одну очередь и сам выстрелил из пистолета. Но генерал даже не шелохнулся. Тут что-то не то, — подумал я. С оружием наизготовку подбежали к окопу и увидели, что это действительно генерал, но убитый. Кто-то усадил его с биноклем в руках, подперев с обеих сторон поленьями.

– Это проделки пехотинцев, — усмехнулся наш водитель. А я подумал:

– Ну, вот настало время, когда надменному, холеному генералу рейха придется заканчивать свою службу в должности огородного пугала.

Константин Степанович Овинов после окончания Миасского педагогического техникума в 1933 году работал инспектором школ Сосновского района. Одновременно учился в Челябинском учительском институте заочно. Педагогов в те годы не хватало, поэтому их не призывали в армию. Но он считал, что настоящий мужчина обязательно должен пройти школу воинской службы, уметь защищать Родину и настоял в военкомате на том, чтоб ему прислали повестку.

Службу он начал в Харьковской школе кавалерийских кузнецов. Учился подковывать лошадей, при этом показал превосходные знания и умение. Его заметили и направили учиться в артиллерийское училище. В 1939 году он вступил в Особый коммунистический батальон и участвовал в его составе в Финской компании. Затем экстерном закончил военно-политическое училище. После войны с Германией продолжал службу в армии. В 1957 году закончил Военно-политическую академию имени В.И.Ленина. Трижды участвовал в парадах на Красной площади в Москве. Но к своей первоначальной профессии учителя все же вернулся. После увольнения в 1960 году в запас он 20 лет работал преподавателем Челябинского металлургического техникума, с которым не прерывал связь до конца своей жизни, ежегодно участвовал вместе с другими ветеранами в организации и проведении среди первокурсников олимпиад по истории Великой Отечественной войны. За что не раз говорили ему спасибо учащиеся и педагоги техникума.

В 1999 году было единодушно решено подполковника в отставке К. С. Овинова включить в Книгу Почета Челябинского городского комитета ветеранов Великой Отечественной войны.

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

1. Случай в Сталинграде

Степан Данилович Харун родился в 1914 году в Омской области. Работал в Верхне-Амурском речном пароходстве заместителем начальника Благовещенской пристани. Когда началась война, ему выдали «бронь» от призыва в Красную Армию. «А потом всех работников пароходства стали призывать на фронт, — вспоминал С. Д. Харун, — я остался почти один из мужчин, пошел в обком партии и сказал:

— Не могу сидеть в тылу, когда вся страна надела шинели.

Мою просьбу учли и вручили направление во Владивостокскую школу политработников. Через четыре месяца учебы в звании младшего политрука я уже нес службу в Биробиджанском запасном полку. Когда стало трудно под Сталинградом, наш полк по железной дороге перебросили на берега Волги в район станции Калач и включили в 138-ю стрелковую дивизию полковника Людникова, где вскоре я стал комсоргом батальона.

После осеннего 1942 года наступления враг сильно потеснил защитников города, и теперь их оборона выглядела в виде отдельных островков. Наша дивизия держалась в районе завода «Баррикады» на участке в 400 метров длиной и 230 метров шириной, названном «островом Людникова». В ноябре немцы несколько раз пытались сбросить дивизию в Волгу, Однажды мина ударила в наш окоп. Меня контузило, завалило землей, после чего несколько дней я ничего не слышал, О лечении тогда не думали. Главное было не пропустить врага. Боеприпасы и продукты таскали на себе с противоположного берега.

Дивизия наша только называлась дивизией, солдат и офицеров в ней едва могло с полк набраться. В таком пекле, как Сталинград, сохраниться трудно было. Кратко о Сталинграде того периода можно сказать так: «Людей было мало, но они стояли насмерть и рубежи свои не отдавали». Порой комдив вызывал к себе младших командиров и сам ставил перед ними задачи. Однажды сложилось такое положение, что немцы голову не давали поднять. Комдив в целях выяснения обстановки приказал мне и старшине Перепече пробраться в расположение врага и добыть языка.

Глубокой ночью, когда серые облака медленно заволкли светящийся край луны и на месте ночного светила осталось лишь бледно-серебристое пятно, мы по почерневшему от копоти снегу поползли в сторону позиций врага. И когда достигли, его траншеи отчетливо слышали храп. Обнаружили, что это часовой, присев, оперевшись спиной о стенку окопа и держа перед собой обеими руками винтовку, уснул.

— Вот он язык в готовом виде, — подумал я.

Но когда мы спрыгнули в траншею, часовой проснулся, поднял шум, началась стрельба. В схватке пришлось его прикончить. А немцы, посчитав, что нас много и что русские начали очередную ночную вылазку, выпрыгивали из траншеи и бежали в сторону вырисовывавшихся в ночи развалин. Из выкопанного в стене траншеи блиндажа открылась дверь, и в проеме показалась рожа в офицерской фуражке. Я размахнулся, чтобы бросить во внутрь блиндажа гранату, но вижу офицер словно окаменел, а глаза его стали круглыми. Не опуская занесенную с гранатой руку, я поманил его к себе. Он вышел. Мы его разоружили. Связали. И в это время я увидел стоявший в траншее миномет, а рядом с ним, в нише, аккуратно сложенные в пирамиду мины. Развернув миномет в сторону убегающего противника, я решил использовать мины по назначению. Но поторопился. Не рассчитал. При выстреле мина задела верхнюю кромку траншеи. Раздался взрыв, разбросавший нас в разные стороны. Чудом оставшись невредимыми так как осколки, вероятно, прошли по верху, мы, схватив «языка», заспешили к своим. Задание комдива было выполнено.

2. На Орловско-Курской дуге

После Сталинградской битвы дивизию Людникова перебросили на станцию Сухиничи для пополнения. Там простояли мы месяца два. Накануне Орловско-Курского сражения нас выдвинули в район села Анненково, расположенного недалеко от Прохоровки. 5 июля 1943 года немцы начали наступление, а 6 июля в 4 часа утра мы вступили в бой. Это жутко, что творилось тогда вокруг, такого я даже в Сталинграде не видел. За несколько часов огненный вал перемолол 70 процентов дивизии. Сотни самолетов противника бомбили линию обороны, непрерывно палила артиллерия, шли танки. Земля и воздух дрожали и гудели. Много раз немцы отбрасывали наши

подразделения, но, собравшись с силами, мы вновь захватывали первоначальные рубежи.

Наконец 12 июля противник дрогнул. Все, что осталось от дивизии Людникова, двинулось вперед по пятам врага. Перед нашим взором предстали обширные поля пшеницы, буквально забитые трупами, раздутыми и разлагавшимися. Зловоние, смрад распространялись на несколько километров. Стояла невыносимая жара. Во рту пересохло, но признаки наличия поблизости хотя бы маленького колодца или ручейка отсутствовали. Продвинувшись километров на 20, мы вновь вступили в бой. Опять бомбили нас самолеты, била артиллерия, а немецкие танки прорывались до самых траншей, мы забрасывали их гранатами, зажигательными бутылками и опять несли большие потери.

Я в то время занимал должность парторга батальона. Как-то комбат говорит мне:

— Людей уже почти не осталось. На правом фланге выдвинуто вперед отделение с пулеметом и противотанковым ружьем, пока еще темно — сходи, узнай, почему они молчат.

Я, как сейчас помню, долго бежал по траншее, пригнувшись. Затем переползал через открытый, перепаханный снарядами участок. Спрыгнул в другую траншею. В указанном месте увидел пулемет, лежавший на боку, и трупы пулеметчиков, разбросанные по траншее. В живых — никого. Метрах в ста стояли несколько немецких танков, одни из них подбитые, другие иногда постреливали. Между тем совсем рассвело. Один из танков двинулся в сторону наших траншей, по-видимому, считая, что там уже никого нет. Я подбежал к ПТР, вставил патрон, прицелился и с дистанции примерно 70 метров нажал на спусковой крючок. За башней танка блеснула вспышка, и вырвались языки пламени. Танк загорелся. Но тут же другие танки открыли по моему окопу бешеный огонь из пушек. Хорошо, что в траншее был сделан подкоп, я нырнул в него. От каждого разрыва снаряда земля вздрагивала, и казалось, вот-вот грунт обрушится и похоронит меня в этой яме. К счастью этого не произошло. Но когда все стихло, выбирался я из своего убежища с большим трудом.

Солнце палило нещадно. Страшно хотелось пить. И хотя уже двое суток я не принимал пищи, о еде не думал. Только бы глоток воды... За пределами окопа все гремело и трещало, воздух был перенасыщен свинцовыми «мухами». Порой хотелось по принципу «была, не была»

выпрыгнуть из траншеи и бежать туда, где есть хоть одна капля воды. Но, несмотря на мучительную жажду, взяв себя в руки, дождался темноты, ночью покинул окоп и пополз к своим, а их уже на месте не оказалось, они отступили. Ориентируясь по вспышкам выстрелов, я продолжал движение на восток. И вдруг впереди сверкнула в ночи бледно-серая поверхность небольшого озерца. Я буквально упал в него. И с жадностью пил и пил воду, никогда не казавшуюся мне такой вкусной. Потом чувствую, что сил подняться у меня нет. Решил немного отлежаться. А когда поднял голову, увидел, что в озере плавают трупы людей, лошадей, валяются какие-то перевернутые машины.

К своим я добрался до рассвета. Отступив, они копали на новом месте траншеи, сооружали укрепления, оборудовали огневые точки. Торопились, ведь с утра снова бой.

3. Роковой день

26 июня 1944 года стал для меня роковым. Тогда в Чехословакии у не приметного местечка в горах немцы пошли на нас в психическую атаку. Они шли ровными шеренгами строевым шагом, в черной форме. Красиво шли. Под музыку духового оркестра, а музыка немцев весьма неприятно действовала на нас. Приблизившись, они одновременно открыли на ходу огонь из автоматов. Мы ответили им тем же. Среди редких деревьев завязался бой, перешедший в рукопашную схватку. Все перемешалось. Я, расстреляв из пистолета все свои патроны, поднял с земли немецкую десятизарядную винтовку и, стоя за деревом, снял одного фашиста, взял на мушку другого и в это время почувствовал сильный, словно колом, удар в грудь. Потом мне рассказывали, что разрывная пуля повредила мне легкое, диафрагму, печень и желудок. Словно сквозь сон я чувствовал, как меня несли на плащ-палатке, положили на солому. Потом везли на грузовике вместе с другими ранеными. В пути грузовик бомбили. Взрывная волна выбросила нас — раненых — на землю. Кровотечение не останавливалось, я думал, что это конец.

Очнулся в госпитале города Проскурова, где вскоре стал свидетелем нежелательного инцидента. Как показалось многим раненым, начальник госпиталя по фамилии, оканчивающейся на «штейн», и главный хирург-женщина с такой же фамилией не вызывали доверия. Случаев, когда раненых с хирургического стола

отправляли прямо в мир иной, было подозрительно много. А у нас в палате лежал лейтенант Сережа без ноги, своим веселым общительным характером расположивший к себе всех товарищей по несчастью. Он неплохо себя чувствовал, но когда его увозили в операционную, попрощался со всеми и сказал:

— Вряд ли я вернусь обратно, они наверняка меня зарежут.

Так и получилось. Он не вернулся. И вот тут «народ» поднялся. Начальника госпиталя раненые выкинули из окна, хорошо, что не убили. Приехал генерал-майор — начальник санитарной службы армии. Все руководство госпиталя заменили. А тяжелораненых, в число которых попал и я, самолетом У-2 перевезли в Киевский госпиталь, где и завершилась для нас война».

После войны С. Д. Харун работал во ВНИИ «Асбестпроект», затем — мастером 11-го дистанционного пути Южноуральской железной дороги. Челябинск, куда он приехал вместе с женой Марией Леонидовной, Степан Данилович считает своим родным городом, потому что здесь живут и работают его дети, внуки, а недавно появился правнук Федор, который уже сейчас знает, что у его прадеда есть ордена: Красного Знамени. Отечественной войны. Красной Звезды, а также медали: «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и другие.

РАССКАЗЫ ПОЛКОВОГО КОМСОРГА

Патриоты

До войны мы жили в Северо-Казахстанской области. И жили неплохо, — начал свой рассказ капитан в отставке Иван Александрович Василенко, — и продолжал. — Отец мой по возрасту в 1941 году уже не подлежал мобилизации, но поскольку значился кавалеристом, отличившимся в гражданскую войну, его призвали на фронт. 29 января 1942 года дивизион, в котором он участвовал в рейде по занятым немцами районам, остановился на отдых в селе Новогришино Донецкой области. А в селе оказался предатель. По его доносу танковая колонна немцев окружила село и расстреляла всех кавалеристов, не пощадив даже их коней. Теперь на том месте над братской могилой возвышается обелиск с

243 - мя именами погибших, среди них мой отец Василенко Александр Илларионович.

Я же в это время, окончив среднюю школу, работал в Пресновском РК ВЛКСМ, в перспективе мне обещали работу в райкоме партии и «бронь» от призыва в армию. Но у меня же отец на фронте, и я не представлял себя отсиживающимся в тылу, считал первейшим долгом комсомольца защищать свою Родину, поэтому пошел в военкомат и попросил выдать мне повестку на фронт. Боевое крещение принял у станции Касторная наводчиком 120-миллиметрового миномета. А 5 июля 1942 года во время бомбежки едва не разделил участь своего отца. Тогда я вдруг получил сильный удар, отшвырнувший меня на землю, и сознание быстро куда-то уплыло. Очнулся в палатке среди раненых. Было жарко. Летало много самолетов. Сплошным потоком двигались люди и техника. Ночью на автомобилях нас переправили в госпиталь. А после выздоровления меня определили на учебу в военно-политическое училище, после ускоренного обучения в нем, получив офицерские погоны, я прибыл в 172-й артиллерийский полк и вскоре возглавил в нем комсомольскую организацию, насчитывающую около ста человек.

Комсомольцы-фронтовики точно так же, как и на гражданке, вносили членские взносы, свои вопросы решали коллективно. Ежемесячно по - батарейно проводили комсомольские собрания с повестками дня: «О четком выполнении уставных обязанностей», «О взаимозаменяемости в орудийном расчете» и другими. Общеполковые собрания проводились лишь только при выходе на отдых. Политико-воспитательной работе в полку командный состав придавал неподдельно важное значение, так как не на словах, а на деле знал, что только сильные духом солдаты, осознающие, за что они идут в бой, выигрывают сражения. Направлялась же эта работа партийной и комсомольской организациями. Коммунисты и комсомольцы на фронте находились рядом. Я помню случай, когда на батарею вышли немцы. Еще мгновение и началась бы паника. Но раздалась команда: «Коммунистам и комсомольцам стоять на месте!» И бой продолжался. Наводчик комсомолец Саша, сраженный вражеской пулей, так и остался висеть на панораме. Но никто не покинул батарею.

Комсомольские билеты погибших погашались, в них делалась отметка с датой и указанием места гибели, после чего билет сдавался в политотдел дивизии. А на смену каждому погибшему, как правило, вступали в комсомол по 2—3 молодых бойца. И так до самого Берлина.

Капитан Баженов

Начальник штаба капитан Баженов был в полку всеобщим любимцем, толковым, грамотным командиром, не раз достойно показывавшем себя в бою. Но на Днестровском плацдарме в районе Пугачень, когда 10 мая 1944 года немцы прижали нас к реке, а их самолеты эшелонами наносили удар за ударом по нашим позициям и казалось, что на плацдарме все поднялось на дыбы, что - то надломилось в сознании Баженова, он самовольно, без разрешения, покинул плацдарм и вплавь перебрался через Днестр на противоположный берег.

Тот день обещал быть ясным. На небе ярко светило солнце. Кругом цвели сады. А после бомбежки стало совсем темно. Облака пыли и частицы земли, поднятые вверх, заслонили собой солнце. Командир полка созвал всех офицеров, и обнаружилось, что начальника штаба нет. И хотя Баженов на том берегу из находившейся в ремонте пушки открыл огонь по наступающему противнику, ему это не зачлось. Его судили, разжаловали в рядовые и отправили в штрафной батальон.

Через несколько месяцев уже в Белоруссии, под Ковелем, мы, преодолев огромное кладбище разбитых и сгоревших танков, немецких и наших, заняли новые позиции. Нам объяснили, что будем прорывать фронт. Всю ночь эскадрильи бомбардировщиков ПО-2 обрабатывав передний край немецкой обороны, а утром по сигналу залпа катюш заработали все наши орудия. И штрафная рота, насчитывавшая более тысячи человек, первой пошла в атаку. В этом бою отличился наш Баженов. Он, будучи раненым, участвовал в рукопашной схватке, обратив со своими товарищами противника в бегство. За это его наградили медалью «За боевые заслуги» и, как кровью искупившего свою вину, освободили от штрафбата. Он приходил к нам на батарею в сапогах, в фуфайке, с медалью на груди, просился обратно в полк. Ему все сочувствовали, его даже жалели, но в полк не приняли. Почему? Не знаю.

Парторг

Партийную организацию нашего полка возглавлял Владимир Тедеев, стройный, красивый и бесстрашный офицер, осетин по национальности. О нем рассказывали легенды, как он не раз ходил под огнем противника, а пули его не брали. И это действительно было так. Я сам видел, как при обороне плацдарма он бросился на помощь сраженному миной начальнику связи майору Зельцману. Но, убедившись, что помощь майору уже не нужна и, не обращая внимания на гитлеровцев, которые почти в упор расстреливали его, забрал у погибшего партийный билет, другие документы и благополучно вернулся к нам в окоп, ни одна пуля не задела парторга.

Через несколько дней полк вывели на переформирование на другой берег. За рекой гремели бои, у нас же стояло относительное затишье. Вдоль реки тянулись фруктовые сады, потом проходила дорога и опять фруктовые сады. Предстояла серьезная работа по приему и освоению новой техники, в связи с этим Тедеев объявил о проведении партийного собрания. Я тоже должен был присутствовать на нем, но приехал комсомолец старшина Каюмов, и мне пришлось задержаться. А в это время в сад, где Тедеев проводил собрание, залетел шальной снаряд и разорвался. Коммунисты решили перейти через дорогу, немного подальше, и расположились в другом саду. И надо же было такому случиться, второй снаряд угодил прямо в круг партсобрания, в один миг Тедеева и еще 14 человек не стало. Коммунисты полка долго залечивали душевную рану. А при ведении огня первый снаряд, адресованный врагу, всегда посылали, приговаривая: «Это вам за Тедеева».

Груша

После освобождения Люблина войска ушли вперед, а нашему полку вместо положенного выхода на отдых и переформирования поручили доколачивать оставшуюся немецкую группировку. После завершения этой операции полк вывели за город, где наконец-то подразделения расположились для отдыха цыганским табором под открытым небом возле ржаного поля. Но ночью — вновь тревога. Пришлось с включенными фарами автомашин вылавливать прячущихся во ржи гитлеровцев. Утром, когда все стихло, поднялось над горизонтом

солнце, а полевые цветы и стрекотание кузнечиков в траве настраивали на мирный лад, мы обнаружили на самом краю поля грушу, усеянную плодами. Потрясли ее, но плоды не падали. Тогда я, как самый молодой, залез на дерево и стал сбрасывать груши на землю, при этом одна груша упала в рожь, я взглянул туда и чуть не свалился с дерева. Во ржи лежал немец; уперев подбородок в ладони, он внимательно смотрел на меня. Возле него лежат автомат. Я растерялся. Думаю, сейчас полоснет автоматной очередью, а за грушей-то не спрячешься.

– Ты что там'? — кричат мне товарищи.

– Во ржи фриц лежит, — отвечаю.

Все схватились за оружие. А изо ржи с поднятыми вверх руками выходит немец. Оказалось, что в диске его автомата не было ни одного патрона.

Вспоминая об этом случае, я всегда думаю, а если бы у фрица были патроны, расстрелял бы он меня или нет?

Майданек

После освобождения Люблина мы участвовали в митинге по случаю образования нового польского правительства Осубкаморовского. Среди выступавших наиболее яркой фигурой выделялся маршал Советского Союза Рокоссовский. Говоря о зверствах фашистов, он посоветовал нам посетить бывший концлагерь Майданек. Мы не замедлили его советом воспользоваться.

Ворота в Майданек были раскрыты настежь. Кругом колючая проволока. Бросилось в глаза массивное здание с нишей, но без окон. В него заводили узников под предлогом мытья в бане и травили газом «табун». А затем на тележках, двигавшихся по рельсам, трупы перемешали прямо в крематорий, представлявший собой приземистое здание с квадратной кирпичной трубой. В печах лежали останки людей, не успевшие сгореть. Рядом стояли банки, заполненные золой из печей, предназначавшиеся для отправки в Германию в качестве удобрения сельхозполей,

В одном из барачков мы увидели сваленную в кучу обувь, начиная от детской, кончая 45-м размером. А в другом бараке — кучу человеческих волос, снятых с казненных, и тоже предназначавшихся для отправки в качестве сырья для германской промышленности.

Затем мы пошли вдоль рва, в котором вперемешку с землей лежали трупы людей. Я обратил внимание на человека с длинными волосами.

Впечатление было такое, что будто кто-то тащил его за ноги. Всмотревшись, я понял, что это женщина, а у живота ее лежат ребенок в неестественной позе, тоже замученный.

— Нет, тезка, — сказал я своему другу, — такое видеть больше не могу.

— Мы отошли в сторону. Сели на траву. И тут почувствовали, что нас кто-то кусает. Оказывается, когда мы проходили по баракам, блохи, как фашисты, набросились на нас. И нам пришлось раздеться, чтоб стряхнуть их со своей одежды. Это сделать оказалось намного проще, чем вытряхнуть фашистскую нечисть из наших городов и селений. Война еще продолжалась.

Берлин

Штурм Берлина мне запомнился как кошмар. Все кругом горело и трещало. Из окон немцы стреляют. Наши — в дом, а там никого нет. Подземные коммуникации позволяли перемещаться противнику из одного квартала в другой. Самолеты с красными звездами на крыльях постоянно висели над городом, как грачи, но не было ни одного случая, чтоб их бомбы упали на своих.

В окне третьего этажа горящего дома появились мужчина и женщина и, не дожидаясь, когда языки пламени охватят их, обнявшись друг с другом, прыгнули вниз. На середину улицы выскочила открытая легковая машина с четырьмя советскими офицерами. Раздалась длинная пулеметная очередь. Машина остановилась. Офицеры, прошитые пулями, как сидели, так и остались сидеть. Подобраться к ним было невозможно, так как работали снайперы. Нам приказали выкатить 76-миллиметровую пушку и бить по тому месту, где засели немцы. Успев сделать лишь несколько выстрелов, трое артиллеристов получили ранения и вышли из боя. Подогнали танк. Но из окна уже очищенного от немцев дома вылетел Фауст-патрон. Танк загорелся. И тогда решили вызвать огнеметчиков.

Огнеметчики, похожие на парашютистов, с ранцами за спиной и соплами в руках, под прикрытием домов двинулись к вражеской огневой точке. Мы же для отвлечения внимания противника усилили по нему огонь. А по сигналу огнеметчиков огонь прекратили и стали имитировать движение по улице. Вражеский пулемет вновь заработал. И в это время струю пламени огнеметчики направили в его амбразуру. Потом нашли там полуобгоревшие с лопнувшими от огня глазами

трупы двух пулеметчиков, двух снайперов и фаустника, которые довольно долго сдерживали наше продвижение в центре Берлина.

1 мая поступила команда прекратить огонь. И мы пошли смотреть, как пехота выводила из подвалов пленных немцев. Зрелище было не из приятных. Вначале шли генералы и офицеры. Надменные. В перчатках. Они небрежно бросали свое оружие в кучу. За ними шли солдаты, те попроще, многие из них кричали: «Гитлер капут!»

Несколько раньше, в самом разгаре боев, к замполиту майору Елисееву подошли медики, доложили, что в подвале нашли немецкую семью: отца, мать и 18-летнюю дочь, вскрывших себе вены, и спрашивают:

– Нужно ли им оказывать помощь?

– Да, нужно, — ответил замполит.

И медики, не спавшие трое суток, преодолевая сопротивление самоубийц, сумели спасти их жизни.

Такие уж были мы — советские люди.

Политрук

После войны мне рассказали грустную историю о моем земляке Тальмине Иване Васильевиче. Будучи политруком, он в первые дни войны был ранен и в бессознательном состоянии попал в плен. Его поместили в лагерь для военнопленных на территории Польши и как политработника содержали в особо жестких условиях. Оправившись от ран, он убежал из лагеря. Но его поймали, били и вновь водворили за колючую проволоку. Он вторично бежал, и его вновь поймали, травили собаками, сильно били, а затем с группой других военнопленных переправили в лагерь, располагавшийся на территории Германии. Выбрав подходящий момент, он бежал третий раз. И в третий раз его поймали, били так, что сломали позвоночник, в нескольких местах пробили голову и, посчитав, что он уже на том свете, бросили в кучу с другими умершими. А уничтожить скопившиеся трупы немцы не успели, так как началось англо-американское наступление. Осматривая трупы, американцы заметили, что один из них проявляет признаки жизни. Это был Иван Тальмин, Его поместили в госпиталь и вначале хорошо лечили. Но, узнав, что он политрук, им заинтересовались спецорганы США. Их представитель долго беседовал с И. В. Тальминым и открыто предложил сотрудничать, а именно: выступать в переселенческих

лагерях и писать статьи, порочащие Советскую власть и социалистический строй России. Иван категорически отказался. Тогда пытались на него повлиять через «подсадных уток», одной из них был помещенный в его палату американский офицер, узбек по национальности. Он рассказывал Ивану о райской жизни за океаном и, как бы между прочим, заметил, что и он мог бы быть таким же офицером, если бы пожелал.

Но И. В. Тальмин мечтал любыми путями вернуться на родину к любимой жене, к своим сыновьям, которые теперь на целых пять лет стали старше. Мечтая, он словно ощущал запах огородной зелени: огурцов, подсолнухов и преющей земли родительского хозяйства на далекой железнодорожной станции Мамлютка. Воображал, как крепко обнимет жену при встрече, заглянет в ее ласковые, бархатные глаза, погладит распущенные шелковистые волосы, и в этот миг забывал о всех своих невзгодах и страданиях.

Но спецслужбы по-прежнему не выпускали его из - под своего контроля. Его перевели в одиночную палату, и теперь он ни с кем не общался, кроме лечащего врача и немки-уборщицы, следившей за порядком в палате. Ему стали давать непонятные лекарства, от которых поднималась температура. И он стал догадываться, что на нем испытывают какие-то новые препараты. Потом, уже дома, вспоминая об этом, И. В. Тальмин не раз говорил: «Американцев я ненавижу больше, чем немцев. Немцы были открытыми врагами, а американцы, вроде бы союзники, а как со мной подло поступили».

Вскоре из советской оккупационной зоны Германии прибыли в госпиталь несколько русских офицеров, занимающихся возвращением на родину советских людей, оказавшихся на территории, занятой американскими войсками. Американцы показали им все свои палаты, кроме одной, где находился Иван. Заверили, что у них русских нет. Офицеры ушли. Но уже за воротами их догнала немка-уборщица и сообщила о Тальмине. Так политрук был возвращен вначале в Алма-Атинский госпиталь, а затем его привезли к родителям на станцию Мамлютка».

«Для нас это был как гром среди ясного неба, — вступила в разговор жена И. А. Василенко Зинаида Васильевна. — Мы считали Ивана погибшим, получали на него две похоронки, а он вдруг предстал перед нами — одни кости и кожа, на костылях, на голове участок черепной коробки отсутствовал. Елена, жена Ивана,

давно уже вышла замуж, за его друга Михаила Мухина, который тоже побывал в плену, но вернулся раньше, и у них уже родилась дочь. Пенсию Ивану, как вернувшемуся из плена, установили всего 13 рублей. Он устроился работать в железнодорожную кассу, продавал билеты на поезда и мучительно размышлял о том, как жить дальше. Наконец решил осуществить то, о чем постоянно думая, страдал и чего больше всего боялся. Поехал в Петропавловск, чтобы встретиться с Еленой и с сыновьями. От волнения у него перехватило дыхание, когда он приближался к родному дому. Опираясь на костыли, постучал. Дверь открыл мальчик.

— Тебя как звать? — спросил Иван.

— Олег, — ответил мальчик.

— А я твой папа.

— Мой папа на работе, — растерянно произнес мальчик.

Иван прошел в комнату. Обратил внимание, что его портрет, всегда висевший над кроватью жены, теперь помещен на стене возле кухни. «Эх, Иван, до чего ты дослужился, что тебя выставили в прихожую», — произнес он вслух и, тяжело вздохнув, сказал сыну: «Я посижу у соседей Хорунжевых, когда мама придет, пусть зайдет к ним».

Елена прибежала к соседям взволнованная и испуганная, с полутороговой девочкой на руках. Произошла встреча, от которой прослезилась даже соседи.

— Что ж будем делать, Иван? — спросила Елена.

— Я вот калека, весь перед тобой. Главное: нужно поднимать детей. Как ты решишь, так и будет, — ответил он, сильно нервничая.

Елена решила остаться с Мухиным. Иван вернулся в Мамлютку и еще больше замкнулся. Ему пыталась помочь солдатская вдова и даже перешла жить к нему в избу, объяснив односельчанам: «А вдруг и мой муж где - нибудь вот так же мыкается». А Иван с горя начал частенько выпивать. Ни дров наколоть, ни избу отремонтировать он сам не мог. И тогда его мать решила поехать в Москву к К. Е. Ворошилову. На прием к нему ее не пускали. Несколько дней она дежурила у приемной маршала. И когда, наконец, увидела его в дверях, упала ему в ноги. Климент Ефремович попросил подняться. Стоя выслушал ее просьбу.

Подозвал помощника и сказал только два слова: «Разберитесь и помогите».

Когда мать возвращалась домой, то на станции ее уже встречали два офицера из военкомата. Они объяснили ей, что получено решение восстановить И. В. Тальмину воинское звание и оформить ему полноценную пенсию, как политруку-инвалиду войны. А через некоторое время Ивану в поселке дом построили. Но жил он после этого недолго, года два. Его похоронили на мамлютском кладбище. Односельчане рассказывали, что не раз видели на его могиле двух молодых людей, вероятно, это приезжали сыновья Ивана. Сейчас, проезжая по автотрассе мимо кладбища, из окна автобуса можно увидеть выделяющуюся среди старинных крестов красную звезду на надгробном памятнике политрука Ивана Тальмина, отдавшего свою жизнь за Родину.

«Сколько времени-то с тех пор прошло, — продолжала Зинаида Васильевна, — а у меня, как речь заходит о войне, перед глазами встает Иван Тальмин. И вот вчера мы с Иваном Александровичем, вспоминая о нем, часов до двух ночи не могли уснуть. Вот такой след оставила в нашей памяти война».

После войны Иван Александрович Василенко приехал в Челябинск и посвятил свою дальнейшую жизнь самой мирной на земле профессии — строителя. До выхода на пенсию он работал заместителем начальника Челябинского городского управления капитального строительства, участвовал в сооружении уникальных объектов города, таких, как Дворец спорта «Юность», Торговый центр, цирк, драмтеатр, кроме того, ежегодно в городе приходилось вводить по 320 тысяч квадратных метров жилья, по 3 школы и по 5—7 детских садов. Несколько лет назад, несмотря на 80 прожитых лет, он по-прежнему выглядел бодро. Но планы и желания его стали совсем другие: «Не свалиться бы и не стать обузой для других, дождаться времени, когда обе внучки закончат институт и прекратится, наконец, эта так называемая Горбачево-Ельцинская перестройка».

КОМИССАР ЛЕТЯГИН

«До войны я работал инструктором промышленного отдела обкома ВКП(б). 22 июня 1941 года дежурил по обкому. Было воскресенье. Стояла жаркая погода. Все руководители разъехались на озера и реки. И вдруг приходит сообщение о нападении фашистской Германии на СССР. Из районов звонят, спрашивают: «Что делать?». А я не знаю, что им отвечать. Прибежал 2-й секретарь обкома Л. И. Баранов, связался с Москвой. «Вскрывайте мобилизационный пакет и действуйте по указанному в нем плану», — ответили из Центрального комитета. С этого момента жизнь моя не шла, а мчалась. На третий день войны меня вызвали в военкомат и назначили ответственным за организацию эвакуационных пунктов и госпиталей в области. Дали кипу бумаг, сказали: «Разбирайся!».

Контора наша разместилась в железнодорожном клубе имени В. И. Ленина. Сюда стали прибывать врачи — все люди солидные. Я их построил, скомандовал: «На первый, второй рассчитайсь!». Избрали штаб этого учреждения. Через две недели развернули военный госпиталь (напротив старого цирка). Ночью встретили первый санитарный поезд и приняли первых раненых, среди которых мне особенно запомнился мальчик лет четырнадцати. Он попал под танк и был весь переломан. Невредимыми у него оставались только глаза. Забинтованный от ног до головы он походил на человека в мешке. Занимались мальчиком начальник госпиталя Оржеховская и главный хирург — светило медицины, настоящий чудотворец П. М. Тарасов, его именем названа одна из улиц города Челябинска. По существующим в то время правилам комиссар обязан был присутствовать при проведении сложных операций, поэтому я оказался свидетелем, как врачи буквально разобрали этого мальчика по косточкам, потом собрали вновь и зашили.

Примерно через месяц меня опять вызвали в военкомат и сообщили, что решением отдела кадров Уральского военного округа я назначен комиссаром учебного лыжного батальона, формирующегося в г. Кургане, в основном из числа юношей-спортсменов. Приезжаю в Курган, спрашиваю:

— Где батальон?

— В лесу. Люди уже прибывают, а размещать их негде.

Пошел в горком ВКП(б) к секретарям Ефимову и Корневу. Они помогли раздобыть 50 кубометров строевого леса, из него мы построили две землянки на 750 человек. Из Кыштыма получили 500 пар

лыж. И без промедления по соломе вместо снега стали проводить занятия по лыжной подготовке. В октябре 1941 года из наших учебных подразделений был сформирован 145-й отдельный лыжный батальон, меня назначили комиссаром этого батальона и мы выехали на Калининский фронт. Оттуда нас перебросили на Северо-Западный фронт, где развернулись бои под Старой Руссой. Однажды комдив дал задание лыжному батальону добыть «языка». Мои орлы проникли во вражескую траншею, ворвались в блиндаж, всех гитлеровцев перебили, а одного унтер-офицера захватили в плен, привязали к лыжам и покатали в обратный путь. Пленный стал кричать. Его ударили, но вероятно перестарались. Привезли пленного, развязали, а он мертв. Это была первая неудача.

17 апреля 1942 года, ведя бои на Ленинградском направлении, я получил ранение и навсегда потерял левую руку. Долечиваться приехал в Челябинский госпиталь, работу которого совсем недавно организовывал. И здесь среди выздоравливающих бойцов я увидел мальчика. Он взглянул на меня своими большими глазами, и я вздрогнул от неожиданности, узнав в нем «человека в мешке». Да, это был он. Мальчик уже выглядел бодро, по утрам делал зарядку. Вот только фамилию его я к сожалению не запомнил».

Эту историю рассказал Дмитрий Яковлевич Летягин в 2002 году, когда ему было уже 89 лет. После войны он находился на партийной и советской работе, окончил госпединститут и Высшую партийную школу, удостоен трех орденов Трудового Красного Знамени и двух орденов Отечественной войны. Он всегда являлся пропагандистом патриотических идей и советского образа жизни. И до конца жизни сохранял лучшие черты советского человека: бескорыстность, общительность, творческое отношение к делу, подчинение личных интересов общественным. После выхода на пенсию в 1986 году неоднократно избирался в президиум Челябинского областного совета ветеранов. В 1975 году участвовал в организации совета ветеранов Уральских лыжных батальонов, а с 1990 года возглавлял этот совет, всегда оставаясь комиссаром на своем месте.

В канун 60-летия Курской битвы Дмитрий Яковлевич рассказал еще об одном забытом эпизоде военного времени: «Еще продолжались бои на улицах Харькова, почти вся Украина находилась под пятою врага, а СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали постановление о неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой

оккупации. Согласно этому постановлению Челябинской области вменялось в обязанность оказывать помощь Донбассу и Курской области. Уже в сентябре 1943 года ушли в г. Курск первые южноуральские эшелоны со скотом для колхозов, оборудованием для МТС, школьными партами для учащихся и предметами ширпотреба для населения. Один из эшелонов со строительными материалами поручили сопровождать мне, дав четырех помощников из различных предприятий города. На митинге у железнодорожного вокзала, состоявшемся перед отправкой эшелона, присутствовали члены бюро горкома и обкома партии, с напутствующей речью выступил секретарь ГК ВКП(б) Патрушев. А затем эшелон медленно отошел от перрона, взяв курс на запад. До Уфы мы ехали с ветерком, восторгаясь уральской природой, величественные картины которой быстро менялись за окном вагона. Но потом на нашем пути стали встречаться непредвиденные разнообразные трудности. За Волгой начались длительные простои на остановках, главным образом потому, что эшелон наш состоял из 50 вагонов, а железнодорожные станции в тех краях не были приспособлены для приема столь длинных составов. В освобожденных от врага районах еще не были изжиты вооруженные банды, которые нападали на эшелоны с целью их грабежа. Порой нам приходилось отстреливаться от бандитов, имея один на пятерых наган. На остановках продукты питания для себя добывали там, где появлялась возможность, иногда такая возможность не представлялась по нескольку дней подряд. Особенно долго стояли в Воронеже. Я обратился в местный обком партии. Выслушав меня, воронежцы предложили: «Давай разгрузим эшелон здесь и доложим ЦК ВКП(б) о разгрузке». — «Э, нет», — ответил я и не пошел на такую сделку. Ехали до Курска мы целый месяц, но ни одного вагона не потеряли в пути.

Куряне нас встретили очень хорошо. Их город сильно пострадал в годы войны. Куда не помотришь — всюду развалины, остовы сгоревших зданий и следы недавно прошедших боев. Но уже везде велись восстановительные работы. Курскую областную партийную организацию тогда возглавлял П. И. Доронин. В беседе с нами он рассказал, что опыт партийной работы у него был еще до войны. А когда в качестве члена военсовета армии он с передовыми частями вступил в г. Курск, обладая, как генерал, большими возможностями, коммунисты Курска избрали его секретарем обкома.

— Как мне теперь быть? Я же ведь генерал, — поставил вопрос П. И. Доронин в докладе генеральному секретарю ЦК ВКП(б) и Верховному главнокомандующему И. В. Сталину.

— Генералов мы за один день наделаем столько, сколько нужно, а вот секретаря обкома избирает народ, — ответил ему Иосиф Виссарионович. Так в одночасье генерал перешел от войны к мирному строительству.

В Курске по случаю прибытия челябинского эшелона с грузом длястроек тоже состоялся многолюдный митинг, на нем со словами благодарности выступил П. И. Доронин. Я зачитал и вручил ему послание трудящимся Курска от трудящихся Челябинска, подписанное секретарем Челябинского ОК ВКП(б) Н. С. Патоличевым. Отношения между людьми в то время складывались необычайно добрыми. После митинга нас окружили женщины и наперебой рассказывали о том, как советские танки, изгоняя фашистов, ворвались в их город и о том, как куряне спрашивали танкистов: «Откуда эти танки?». Получив ответ: «Из Челябинска», благодарили уральцев за самоотверженный труд, при этом некоторые старушки крестились и славил Господа Бога за то, что есть на Урале мастера-умельцы, которые умеют делать такие великолепные танки.

Во время пребывания на Курском вокзале мы обратили внимание на исключительно аккуратно содержащуюся железнодорожную стрелку на первом пути. Нам пояснили, что обслуживает эту стрелку один из руководителей Сталинской железной дороги. Министр путей сообщения, недовольный состоянием железных дорог в Донбассе, направил его к железнодорожникам Курска, чтобы он поучился у них как надо работать на восстановлении железнодорожного транспорта, причем практическую учебу обязательно начал с работы стрелочником. Насколько такая учеба оказалась полезной для этого чиновника, мне неизвестно.

После оформления передачи груза нам предстояло возвращаться домой через Москву. В хозяйственном управлении ЦК ВКП(б) получили проездные документы и питание сухим пайком в дорогу. Довольные, полные впечатлений, с чувством выполненного долга мы возвратились в Челябинск».

ПРОРЫВ

«Инженерно-саперный батальон, в котором я находился по заданию отдела военной контрразведки, подняли по тревоге и перебросили на лесной заболоченный участок Карельского фронта, где целый день саперы трудились, прокладывая дорогу для прохода колонны войск. А утром оказалось, что наш батальон со всех сторон окружен немецкими и финскими подразделениями. Вначале противник обстрелял расположение саперов из артиллерии. Затем через рупоры объявил свои требования: сдаваться в плен. Саперы в батальоне — люди уже немолодые, всем за сорок. Вооружены винтовками, автоматов мало. Мы послали связного за помощью, но он был убит. Мы послали второго связного и он погиб. В небе появился немецкий самолет и сбросил листовки с призывом к солдатам не исполнять приказы командиров и сдаваться в плен. Мы послали третьего связного за помощью и собрались на совет. Что делать? Решили единогласно прорываться с боем. Батальон в атаку поднялся хорошо. Преодолев лесной участок, мы выбежали на поляну, усыпанную морошкой — ягодой ярко-красного цвета. Это последнее, что бросилось мне в глаза перед боем. Раздался треск автоматных очередей и мы увидели, как с противоположной стороны поляны из леса бегут навстречу нам солдаты противника. Далее все происходило как во сне. Прозвучала команда: «Вперед! Ни шагу назад!». И батальон, стреляя на ходу, бросился на врага. Две лавины людей, изрыгая огонь, приближались друг к другу. Но до рукопашной дело не дошло. Цепи противника сильно поредели. Наш батальон тоже нес большие потери. Шесть пуль прошили моего ординарца. Я почувствовал сильный удар в правую руку, смотрю, а рукав моей фуфайки чем-то сильно разорван и появилось много крови. Возле деревца увидели немецкого унтер-офицера и солдата. Наш боец ударил прикладом унтер-офицера, он поднял руки вверх, в глазах животный страх. Второй фашист, приподнявшись с земли, бросился на меня с ножом. Но прогремел винтовочный выстрел, и он тяжелым мешком рухнул мне под ноги. Рисунок боя стал меняться. Противник начал отступать. Послышались разрывы гранат и крики «ура». Это, получив сообщение о том, что саперы дерутся в окружении, к нам на помощь подошли строевые части. Узнав об этом, на душе у нас всех полегчало, но мелкая дрожь

продолжала колотить меня, как в лихорадке, зубы выбивали дробь, и я ничего не мог с ними поделать.

Мы сдали пленного унтер-офицера пехотинцам. Меня проводили в санчасть, где сделали перевязку, накормили и напоили. От госпитализации я отказался. И продолжал службу с рукой на перевязи».

Закончив рассказ, Владимир Петрович Моргунов подошел к окну и, заложив руки за спину, молча смотрел через стекло, как падает на землю снег, по-видимому, последний в зимнем сезоне 2003—2004 годов. На спине стула висел его парадный костюм с начищенными до блеска орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и знаком «50 лет в КПСС». «А сейчас в партии я уже 64 года», — с гордостью заметил В. П. Моргунов.

После войны он окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), работал в Челябинске на различных руководящих должностях. Стал отличником трудовых резервов, заслуженным работником культуры, отличником радио и телевидения. До выхода на пенсию, в 1983 году, он 19 лет возглавлял Челябинский комитет по телевидению и радиовещанию. В его бытность на челябинском телевидении освоена вторая программа, и у телезрителей появилась проблема, какой канал включать, так как по обеим программам в то время шли изумительные передачи. Интересней одна другой. Затем он участвовал в переводе телевидения в цветное изображение, совершенствовал и укреплял материально-техническую базу телестудий. И сейчас телевизор у В. П. Моргунова стоит на почетном месте, но включает он его редко. «Современное телевидение по содержанию я не приемлю, — говорит он, — меня раздражает абсолютная безответственность журналистов, особенно Центрального телевидения, сожалею, что исчезли с экранов познавательные передачи, которые пропагандировали добро, благородство, мир, согласие, здоровый образ жизни, пробуждали интерес к науке, труду, учебе, помогали человеку стать умнее. Сейчас же телевидение занимается оглушением телезрителей, оно находится в плотной блокаде безнравственности, бездуховности и безответственности. И когда оно вырвется из блокады, неизвестно. Но вырвется обязательно».

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ, ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ...

Председатель областного комитета ветеранов войны Анатолий Константинович Огороков начинал военную службу в 1941 году в частях трудовой армии на строительстве челябинских серно-кислотного и лакокрасочного заводов в качестве трудармейца-электрика. И несмотря на то, что полностью разделял утверждения командования стройотряда о важности работы в тылу, никак не мог смириться с тем, что его сверстники на фронте в открытом бою дерутся с врагами, а он в это время находится далеко от них, на сугубо штатской стройке. И поэтому подавал по инстанции один за другим рапорты с просьбой отправить на фронт. Начальству, вероятно, надоело переубеждать настойчивого трудармейца, и его просьбу удовлетворили.

В августе 1942 года после двенадцатидневного обучения в чебаркульских военных лагерях он уже был в районе Вышнего Волочка, где его определили в 45-миллиметровую батарею отдельного истребительного противотанкового дивизиона 373 стрелковой дивизии.

«Тот факт, что я попал в свою, сформированную в Челябинской области, дивизию, — рассказывал Анатолий Константинович, — придавал мне и силы, и уверенность. — В первом бою я никакого страха не испытывал, а к происходившему вокруг относился с детским любопытством. Не без риска наблюдал за полетом вражеских мин и снарядов, стремился увидеть, куда они падают и как разрываются. Не испытывал я страха и позднее. Но после каждого отдыха, при очередном возвращении на передний край, всегда появлялось какое-то тревожное тягостное чувство.

На батарее я вначале выполнял обязанности замкового, потом наводчика, затем стал командиром орудия. В декабре 1942 года вступил кандидатом в члены ВКП(б), а 10 апреля 1943 года — в партию.

В ноябре 1943 года 373 дивизия, форсировав Днепр, преодолевая упорное сопротивление врага, продвигалась на запад. Сильные бои развернулись на подступах к городу Черкассы, где мы, оказавшись в авангарде наступающих войск, непрерывно вели артобстрел мест скопления противника. Но и противник усиливал ответный огонь. К полудню стало очевидным, что он стремится во что бы то ни стало уничтожить нашу батарею. И этот замысел ему едва не удалось осуществить. Один из его снарядов разорвался рядом, метрах в четырех от орудия, и взрывной волной нас разбросало в разные стороны. Когда, придя в сознание, я поднялся с земли, то первое, что бросилось мне в глаза, — это наша пушка. Она невредимой оставалась стоять на месте, а снег вокруг нее, сверкавший белизной перед боем, теперь казался почти черным. Осколок снаряда пробил мне руку, несколько маленьких

осколков попали в голову, кровь стекала по лицу и слепила глаза, в ушах что-то шумело и свистело. Смертельно раненый наводчик мучительно стонал, просил: «Ребята, пристрелите меня...». Но кто же поднимет руку на своего?.. Через несколько минут он скончался.

Вид в тот момент у нас был таким, как будто побывали мы в преисподней: почерневшие от копоти и порохового дыма, в фуфайках, в один миг превращенных разрывом снаряда почти в лохмотья; на мне, к примеру, оказались оторванными оба рукава. Командир взвода, получивший ранение, вышел из боя. Формально я должен был последовать за ним. Но взглянув на своих израненных осколками товарищей, представив, как тяжело им будет без меня, скомандовал: «К орудию!». И сам встал на место наводчика, решив держаться до конца».

За этот бой А. К. Окроков был удостоен ордена Славы III степени. Через полтора месяца вызвали его в политотдел дивизии, а оттуда направили на курсы политсостава 2-го Украинского фронта. Окончив их, он возвратился в свою дивизию офицером-политработником и вскоре стал освобожденным парторгом стрелкового батальона, в составе которого изгонял врага с советской территории, освобождал Румынию и Польшу, дошел до Германии. «Там, в районе небольшого селения Ратвиц, произошел бой, ставший для меня последним, — продолжал он свой рассказ. — 23 января 1945 года под вечер подошли мы к Одере. С ходу по льду, а там, где льда не было, по набрасываемым доскам, форсировали его и заняли узкую полосу земли вдоль берега. Ночью немец не сумел сбросить нас обратно в реку. А утром выяснилось, что он закрепился на дамбе канала, расположенного метрах в ста от реки. В 11 часов комбат вызвал к себе командный состав на короткое совещание, где было решено, что во время артподготовки командиры рот со своими КП переправятся на плацдарм и в 15.00 поднимут батальон в атаку. Мне и заместителю по строевой Ф. В. Сидорову он приказал проконтролировать своевременность проведения атаки.

В указанное время скрытно по оврагу мы пробрались к реке и увидели на противоположном берегу своих солдат, они явно проявляли какое-то беспокойство. По льду мы перебежали к ним и обнаружили, что ни одного командира роты на плацдарме нет. Посоветовавшись с Ф. В. Сидоровым, решили поднимать батальон без них. Передали команду: «Приготовиться к атаке». Я вскочил на бровку, поднял руку с автоматом над головой, призвал: «Батальон, вперед, за мной!». И ринулся по покрытой снегом поляне навстречу свистящим пулям.

Вы спрашиваете, думал ли я в тот момент о смерти? Я тогда думал лишь о том, как бойцов поднять в атаку. А если бы думал о чем-нибудь другом, то так и сидел бы с ними под берегом.

Мы бежали, стреляя на ходу. И уже видели, как немцы бросают свои позиции и уходят прочь от канала. Но огонь их не ослабевал. У канала мы укрылись за бетонной тумбой и увидели впереди на открытой площадке пятерых немцев. А у меня, как назло, патроны кончились. Сержант же, не помню его фамилию, стреляет, а попасть не может. Пришлось взять у него автомат и самому выпустить по врагу очередь возмездия.

Продолжая движение вперед, я чувствовал, как мой капюшон и масхалат дважды задевали пули. За каналом начинался лесок, и было видно, как немцы цепочкой друг за другом отходят в его сторону. Я решил с солдатами перебраться на противоположный берег канала. Но, спускаясь на лед, немного не рассчитал: нужно было бы этот участок преодолеть быстрее, а я промедлил и получил пулю в живот. Оказалось, что немцы находились еще и на вмерзших в лед баржах. Подошедшие вслед за нами минометчики сожгли их дотла. Солдаты помогли мне выбраться на берег. Я сам, зажав рану рукой, выходил из боя. На пути встретил Сидорова, он сделал мне перевязку и выделил двух солдат для сопровождения в санчасть.

Ну а потом пять раз меня перебрасывали из одного госпиталя в другой. Врачи удивлялись: «Как это тебе удалось выжить?». Ведь ранение-то оказалось аналогичным тому, что получил в свое время на дуэли А. С. Пушкин, с повреждением кишечника. Конечно, во время лечения были проблемы с приемом пищи, поэтому в госпиталях я потерял много веса. В апреле 1945 года меня комиссовали. Я вернулся домой, в Челябинск. Жили мы тогда в районе Порт-Артура, недалеко от вокзала. Подошел к крыльцу своего дома. Постучал. Дверь открыла мать, взглянула на меня и не узнала родного сына, повернулась кругом и пошла по своим делам на кухню. Она думала, что это кто-то к моему брату пришел. И лишь когда брат от удивления вскрикнул: «Только, это ты?..», все встало на свои места. Здесь, дома, я узнал, что за последний бой наградили меня орденом Красного Знамени».

Немного окрепнув после ранения, А. К. О कोरोков поступил учиться в Челябинский механико-машиностроительный институт. Окончил его. Работал на ЧТЗ. Затем возглавлял Уксянскую МТС в Курганской области. В 1958 году вернулся в Челябинск. Защитил кандидатскую диссертацию и 37 лет, до выхода на пенсию, трудился в ЧПИ в должности доцента.

В настоящее, очень нелегкое для страны, время его многочисленные ученики работают на разных предприятиях Челябинской области и за ее пределами. Анатолий Константинович до конца дней своих был уверен в них — они не подведут, сделают все для возрождения России. Ведь он передал им не только инженерные знания, но и умение ценить все то, что завоевали и защитили в боях их отцы и деды.

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Начавшаяся 22 июня 1941 года война с фашистской Германией наложила свой отпечаток на все стороны жизни небольшого старинного уральского городка железоделательных мастеров Белорецка. На его улицах, в том числе на расположенной вдоль высокого берега реки Белой, преобладали теперь только дети, старики и женщины, так как мужчины все или ушли на фронт, или целыми днями находились в заводских цехах. Лишь иногда проходил, опираясь на костыли, мужчина средних лет по имени Тихун. При виде его взрослые шептались: «Это он симулирует свой недуг, чтобы избежать призыва на фронт». То, что эти подозрения были небеспочвенными, мы вскоре убедились, играя на лужайке возле лодки, вытасченной на берег и поставленной к ограде дома Тихуна, когда вдруг увидели, как открылись ворота дома, из них вышел Тихун и, не обращая внимания на нас, малышей, поставил свои костыли к ограде, подошел к лодке, наклонился, взял ее руками за днище со стороны кормы, а его сын поднял лодку за носовую часть, и вдвоем они отнесли этот нелегкий груз во двор. Тихун возвратился, взял костыли, и вновь его ноги стали безжизненно болтаться между костылями. Вечером, когда солнце заходило за горизонт, а дневную жару сменил прохладный ветерок, женщины — хозяйки домов — вышли на улицу встречать возвращающихся с пастбища коров. Делясь между собой новостями, они с тревогой говорили: «Немец-то прет и прет, он уже недалеко от Сталинграда, вот-вот в Белорецке будет». Жена Тихуна, глядя на меня сверху вниз, спрашивала: «Так говоришь, твой папа на фронте воюет?» И я чувствовал в ее голосе нотки не то недоброжелательности, не то упрека за то, что мой отец сражается на фронте. «Если немцы придут сюда, эта тетя обязательно выдаст нас», — подумал я.

Вскоре семья Тихуна переехала на другую квартиру. А незадолго до окончания войны по городу поползли слухи, что на соседней улице задержали дезертира, скрывавшегося от призыва в Красную Армию. Ночью он работал в своем хозяйстве, а днем отсиживался в подполе. Когда его милиционеры вели в отделение, женщины из соседних домов, у многих из которых мужья погибли на фронте, посылали ему вслед проклятья и кидали в него комья грязи.

«Уж не Тихун ли это был?» — вопрошали знавшие его старушки.

А потом наступил долгожданный День Победы. Город чествовал возвращающихся с фронта солдат-победителей. О Тихуне все забыли и никогда о нем не вспоминали. Тогда всем было ясно кто есть кто. Но прошло полвека, в печати и на экранах телевизоров все чаще стали появляться странные материалы, искажающие историю Великой Отечественной войны. Фальсификаторы и злопыхатели под предлогом поиска правды о войне стали преувеличивать значение помощи союзников, власовцев, предавших Родину, именовать борцами за свободу, а победу советского народа в Великой Отечественной войне объяснять тем, что якобы солдаты Красной Армии ходили в атаку на врага под дулами автоматов заградотрядов НКВД. Знакомясь с этими материалами, невольно приходила мысль, уж не Тихун ли это, отсидевшийся в тылу, пытается писать теперь историю войны. Собирая в разные годы воспоминания фронтовиков, мне пришлось беседовать в общей сложности с 214-ю ветеранами войны, и только один из них видел заградотряды наяву, все другие знали что-то о них, слышали об этих отрядах, но никогда почему-то с ними не встречались. Этот вопрос в канун 60-летия Победы мне представилась возможность задать еще одному ветерану Великой Отечественной войны, Петру Георгиевичу Агарышеву, жизненное кредо которого было прямо противоположным жизненной позиции Тихуна. П. Г. Агарышев имел слабое зрение, но еще в 1937 году, после окончания 9 класса, с приятелем Мишкой Тюшевым решил тайно от родителей и школьных учителей бежать в Испанию на войну, чтобы помочь испанскому народу в его борьбе с фашизмом.

«Мы тогда купили билеты до Одессы, — вспоминал П. Г. Агарышев, — устроились в общем вагоне и, наблюдая через окно величественные просторы родного Урала, мысленно представляли себя в составе интернациональных бригад, бросающихся в атаку на врага. Но в Самаре нас с поезда сняли. Строгие люди в штатском завели нас в комнату милиции, объяснили, что в Испанию ехать еще рановато, нужно немного подрасти, посадили на встречный поезд, предупредив проводника: «Смотри, чтобы они не убежали!» И мы поехали обратно домой в Сухой Лог, где на вокзале нас встречали работники райкома комсомола со словами: «Дураки! Поехали на войну, а воевать-то вы умеете? Если хотите быть военными, мы можем послать вас по комсомольской путевке учиться в Ленинград в Зенитное артиллерийское техническое училище». И мы с Мишкой поехали. Но у

Мишки не все в порядке было со слухом, а у меня — зрение всего 20 процентов. При прохождении медицинской комиссии Мишка показал за меня врачам свои глаза, а я за Мишку показал свои уши, и нас обоих приняли курсантами в училище. Выдали новенькую военную форму, отчего мы почувствовали себя на седьмом небе. Мишка успешно завершил учебу, а меня быстро разоблачили. Я вернулся в Сухой Лог, в свою школу, окончил десять классов и решил поступать в железнодорожный институт, считая, что профессия железнодорожника сродни военной. Но на медицинской комиссии выяснилось, что у меня не только плохое зрение, а еще и слабое цветоощущение, и меня окончательно забраковали. С горя я принял предложение крайкома комсомола поехать в отдаленное селение Красноярского края и стать учителем сельской школы.

На селе я преподавал математику, физику, был завучем семилетней школы и значился самым грамотным среди педагогов, так как мой директор школы еще только учился в педагогическом техникуме, а я поступил учиться заочно в педагогический вуз. Но грянула Великая Отечественная война. Меня перевели в Абаканскую МТС на должность помощника начальника политотдела по комсомолу. В июне 1942 года по району разнеслась весть, что в Красноярске формируется добровольческая стрелковая бригада. Все коммунисты и комсомольцы района, в том числе и я, написали заявление о зачислении в эту бригаду. Мечта моей юности стать военным вновь возобладала мною. И опять на моем пути встала медицинская комиссия. Но на этот раз за меня вступились крайкомовцы: «Мы его в политработники определим», — твердо заявили они. Я же к их заявлению должного внимания не проявил и вступил в стрелковую бригаду, вместе с которой в качестве второго номера ручного пулемета отбыл на фронт.

Железнодорожники всюду давали нашему эшелону зеленую улицу. Позади остались Сибирь, Урал, половина европейской части России, и за Москвой ночью наш поезд остановился в нескольких километрах от г. Ржева. Далее мы шли походным маршем. Впереди над верхушками деревьев светилось зарево пожаров, были слышны канонада, ружейные и пулеметные выстрелы. Это несмотря на позднее время не прекращались бои за освобождение г.Ржева. Наше командование стремилось приковать к району Ржева как можно больше немецких дивизий и не дать противнику использовать их на сталинградском направлении. Об этом я узнал потом. А тогда меня удивило то, что

прямо на улицах города были выкопаны траншеи, устроены блиндажи и землянки. Мы обустроивались в уже готовых траншеях. Утром вступили в бой. В городе все горело и дымилось, стоял сплошной грохот и треск. Стреляли отовсюду: и с крыш домов, и из окон подвалов. Как в прошлом охотник я обратил внимание на то, что здесь прежде раздавался свист пули, а потом доносился звук выстрела. Вначале мы пригибались, прятали головы при каждом свисте, потом перестали обращать на пули внимание. Чтобы не попасть под огонь вражеских минометов, мы часто меняли позиции. А у каждого из нас – винтовка, противогаз, лопатка, вещмешок и подсумок с патронами. Стояла изнывающая жара. От разрывающихся снарядов рушились стены домов. Пыль и густой дым мешали дышать. Но самым кошмарным было то, что у меня запотевали очки. Мой первый номер, вспоминая и мать, и Бога, кричит: «Патроны давай!» А я ничего не вижу, очки протираю. И так пять дней и ночей без перерыва. У всех тогда было только одно желание, даже не поесть и попить, а просто упасть и поспать.

Отбивая дом за домом, улицу за улицей, части бригады вышли к Волге, отеснив врага на противоположный берег. По заданию командира взвода В. Пшеничнова я, перепрыгивая через развалины, бежал в штаб батальона и почувствовал, что мне в сапог словно попал какой-то камешек. Прибежал в штаб. Доложил, как положено.

— Ты что, ранен? — спрашивают меня.

Я посмотрел под ноги и увидел, что стою на своей собственной, вытекающей из сапога крови. Появился фельдшер. Мой сапог разрезали. Перевязали рану. Где-то нашли сапог большего размера. А потом, после беседы у комиссара, мне стало известно, что при прохождении медицинской комиссии в Красноярске поручительство за меня крайкомовцев оказалось неслучайным. Я уже тогда в числе десяти человек был зачислен кандидатом в курсанты Новосибирского военно-политического училища. Мы же уехали с добровольческой бригадой на фронт. И вот что удивительно, несмотря на тяжелое положение на фронте, нас разыскали и приказали вернуться в Новосибирск для учебы».

После окончания училища П. Г. Агарышев продолжил службу в должности политрука в различных воинских частях. После войны окончил с отличием Высший военно-педагогический институт имени М. И. Калинина и преподавал военно-политические дисциплины в

Челябинском авиаучилище штурманов. Затем находился на партийной работе в г. Копейске. С 1959 года преподавал историю в ЧПИ. С 1976 года заведовал кафедрой в ЧИМЭСХ. Стал доктором наук, профессором, академиком Академии военно-исторических наук. Участвовал в составлении энциклопедии Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Поэтому было важно знать, как он, ветеран войны, историк и ученый, оценивает роль заградотрядов в войне с фашизмом.

«На фронте мне не приходилось встречаться с заградотрядами, — начал отвечать на этот вопрос П. Г. Агарышев, — но мы знали об их существовании. Знали, но не видели. По-моему, этот факт объясняет многое.

Долгое время публикации в печати о заградотрядах не поощрялись, по этой причине и появились кривотолки. Сейчас же достаточно опубликовано воспоминаний участников Великой Отечественной войны и исследований на эту тему. Обобщив их, можно сделать вывод, что заградительные отряды, например в виде подразделений при особых отделах соединений, существовали уже в начале войны. Укомплектовывались они военнослужащими НКВД. Главной задачей этих отрядов была борьба со шпионажем, диверсиями, дезертирами, предателями Родины, паникерами и дезорганизаторами. Особые отделы, в частности, выставляли заградотряды на определенном удалении от линии фронта, прикрывали войска с тыла, держали под контролем дороги, железнодорожные станции. Переправы через реки. А. В. Топтыгин в своей книге «Неизвестный Берия», изданной в 2002 году, приводит любопытный документ-справку, представленный наркому внутренних дел СССР, из которого следует, что за первые три с половиной месяца войны из всех задержанных особыми отделами и заградотрядами НКВД только около четырех процентов были осуждены за дезертирство, самострелы, шпионаж и другие воинские преступления. Остальные бойцы и командиры, по разным причинам отбившиеся от своих частей, были сведены в новые подразделения и вновь направлены на фронт.

12 сентября 1941 года согласно директиве Ставки Верховного главнокомандующего в стрелковых дивизиях начали формироваться общевойсковые заградотряды, численностью не более батальона. В отличие от заградотрядов НКВД они создавались с целью оказания помощи командному составу в поддержании твердой дисциплины и

недопущения самовольного отхода частей, комплектовались они не из служащих НКВД, а из обычных красноармейцев. Им было дано право применять оружие. Но не для расстрела отступающих солдат из пулеметов, как иногда сейчас показывают по телевидению, а лишь для ликвидации инициаторов паники и бегства. Нового здесь ничего нет, ибо люди военные хорошо знают, что один паникер может целую армию погубить.

В приказе наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад» была упорядочена организация заградотрядов, их назначение оставалось прежним. Этот приказ был зачитан во всех воинских подразделениях и имел важное психологическое значение. Так как неустойчивый элемент в войсках теперь знал, что в случае отступления без приказа, он будет иметь серьезные неприятности.

При переходе советских войск в наступление роль заградотрядов стала быстро сводиться к минимуму. Их использовали при охране штабов, дорог, линий связи и на различных хозяйственных работах. В октябре 1944 года приказом наркома обороны заградотряды были расформированы.

В немецкой же армии после зимнего поражения под Москвой в 1941 году командованием вермахта, чтобы остановить панику и бегство своих солдат, также были созданы специальные заградительные отряды, которые просуществовали до конца войны и отличались особой жестокостью».

Петр Георгиевич закрыл картотеку, чем-то напоминающую пчелиный улей, где для каждой темы истории войны отведена своя ячейка. Встал из-за стола, прошелся по комнате и, завершая беседу, многозначительно произнес такие слова: «На войне все могло быть, но если бы мы ходили в атаку под дулами автоматов, то войну мы просто бы не выиграли. Победу в Великой Отечественной войне определяли не Тихуны, Власовы и им подобные, а массовый патриотизм и героизм советских людей, проявленный как на фронте, так и в тылу. Каждый из нас, солдат Отечественной, поднимаясь в атаку, ясно сознавал, что идет на смертный бой за свою землю, за своих родных и близких, оставшихся в тылу, за свою советскую власть. Вот это и есть истинная правда войны, которую опровергнуть невозможно».

ГЛАВА БОЛЬШОГО СЕМЕЙСТВА

Федор Дмитриевич Катков родился 1 октября 1912 года в деревне Волконка Рязанской губернии, где, как ему казалось, было самое голубое небо, самые красивые заливные луга и он думал, что никогда не покинет свою малую родину. Но в жизни складывалось не все так, как ему хотелось. Рано умерла мать, с детства пришлось выходить в поле помогать отцу-землепашцу. Окончив три класса сельской школы, он страстно мечтал продолжить учебу. Отец же, молча выслушав желание сына, ответил ему так: «Мне бухгалтеры не нужны, а за сохой ходить и трех классов достаточно. Вот я ни писать, ни читать не умею, вместо росписи ставлю крестик, а вся деревня знает, что так расписывается Дмитрий Катков, потому что человек трудом красен». Но Федор с отцом не согласился, в 15 лет он оставил родительский дом и уехал к брату в Москву, устроился работать на строительство авиазавода землекопом. Землеройных машин тогда не было, землю разрабатывали вручную. Здесь Федора наградили знаком «Ударник 1-й пятилетки», избрали секретарем комсомольской организации и здесь осуществилась его мечта учиться. Комсомол рекомендовал его на подготовительные курсы для поступления на рабфак. Потом 4 года учился на рабфаке уже с отрывом от производства, получал стипендию 40 рублей, что составляло половину месячного заработка рабочего-землекопа. Затем два года учился в институте. А в 1937 году по комсомольской путевке его направили в РККА. Армейскую службу проходил на Дальнем Востоке в ВВС Тихоокеанского флота. Участвовал в событиях на Хасане. Вспоминая о том времени, он удивлялся нахальству японцев: «Они разбрасывали по нашему аэродрому листовки с изображением летящего верхом на самолете маршала Блюхера, который смотрел на многочисленные самолеты, замаскированные в кустах, и, ругаясь матом, возмущался: «Как много здесь самолетов, даже приземлиться негде».

В 1941 году, когда Германия напала на СССР, Ф. Д. Каткова направили в Ленинград политбойцом, там он готовил к боям ополченцев, а потом комиссаром стрелковой роты участвовал в прорыве блокады в районе Синявинских болот. «Однажды, – рассказывал он, – я увидел вблизи наших позиций подбитый танк и решил его со своим связным осмотреть. Вдруг с тыла к нам подкатили аэросани, из них вышли двое в масхалатах и капюшонах, лицо одного

из них мне показалось очень знакомым. В это время из-за танка появился незнакомый мне капитан и, обращаясь к подъехавшим, доложил: «Товарищ маршал, ваше приказание выполнено». И только тут я догадался, что передо мною К. Е. Ворошилов. «Товарищ маршал, – невольно вырвалось у меня, – здесь небезопасно, работает немецкий снайпер». – «На передовой всегда опасно», – ответил, улыбаясь, Климент Ефремович и, попрощавшись, зашагал к аэросаням. Взревел мотор и аэросани, поднимая за собой снежный вихрь, помчались в сторону Синявино.

Через некоторое время где-то за лесом раздался выстрел. Я слышал, как летит снаряд, он разорвался в стороне и чем-то сильным меня ударило по тазобедренному суставу. Нога сразу перестала слушаться. Врач осмотрел мою рану и говорит: «Я ничего сделать не смогу, кроме как выпить с тобой по сто граммов на прощанье». На автомобиле меня доставили в Волхов, а там сказали: «Нужен рентген, а у нас его нет, везите раненого в Тихвин. В Тихвине рентген не работал из-за отсутствия электричества. И тогда самолетом меня перебросили в Рыбинск.

Шли вторые сутки после ранения. Рядом со мною лежал ветврач Егошин с пулевым ранением в ногу. Он ушел в операционную сам, прихрамывая, а обратно его принесли на носилках без ноги. Егошин лежал и плакал. Глядя на его сострадание, я решил, будь что будет, отнимать ногу не дам. Ко мне подошла врач Фаина Наумовна и говорит: «Федя, главврач принял решение ампутировать тебе ногу».

– Я не согласен, – отвечаю.

– Правильно, твою ногу можно спасти. К нам приехал выдающийся хирург Вишневский, я поговорю с ним.

На другой день открывается дверь и в палату входит целая свита. Впереди генерал, у него орденов только на штанах не было, вся грудь в наградах. И со словами: «А ну где тут интересный больной», – генерал Вишневский подходит ко мне. Я воспрянул духом, поняв, что Фаина Наумовна обо мне позаботилась. Благодаря ее внимательному отношению ногу мне спасли. Но в госпитале пребывать мне пришлось долго. Однажды в нашей палате появилась медсестра Любовь Михайловна, она посмотрела на меня необыкновенно ласковыми глазами, я почему-то увидел в них синеву небес своей далекой родины и почувствовал в ее взгляде что-то родное и бесконечно дорогое для меня. Мы познакомились с любой, она в Челябинске окончила курсы

медсестер и добровольцем прибыла на фронт. Я с каждым днем с нетерпением ждал ее прихода в палату. И радовался, как мальчишка, когда она приходила. После Победы Люба уехала в Челябинск. Мы с ней переписывались. А когда меня выписали из госпиталя, я, забыв про все на свете, помчался к Любе».

Федор Дмитриевич и Любовь Михайловна прожили удивительно содержательную жизнь. Они воспитали двух сыновей и двух дочерей, у них 11 внуков и 7 правнуков, среди них есть инженеры, врачи, юристы, имеется свой кандидат медицинских наук – Людмила Федоровна, набирает силы и молодое поколение. В Челябинске Ф. Д. Катков долго трудился на различных предприятиях, работал в политотделе ЮУЖД, принимал участие в формировании ветеранской организации Советского района. 1 октября 2006 года, в День пожилого человека, ему исполнилось 94 года. В этот день за праздничным столом собралась вся его семья. И только одно место пустовало возле главы семейства, это место Любви Михайловны, уже ушедшей из этого мира. По традиции первый тост Катковы подняли в память о ней стоя.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

Еще в 60-х годах все Заречье в Челябинске представляло собой район, застроенный бревенчатыми избами, а на месте современного Северо-западного района располагалось большое летное поле аэроклуба. Всего два с половиной десятилетия потребовалось для того, чтобы Челябинск принял современный вид. Еще больший размах строительства наблюдался в промышленности. Газеты ежегодно сообщали о вводе крупных объектов на заводах города. И лишь строительство на селе почему-то не привлекало к себе внимания средств массовой информации. А между тем шло обновление и в сельских районах. Областные организации сельскохозяйственного строительства имели свои подразделения во всех уголках области на больших расстояниях друг от друга. Достичь слаженности в их работе в условиях ограниченных ресурсов было нелегко.

Среди инженерно-технических работников аппарата управления объединения «Челябгагропромстрой» выделялись аккуратностью и надежностью в работе П. И. Плаксин и Ш. З. Айбулатов. Их объединяла не только общая работа, но и служба в годы войны на Дальнем Востоке, поэтому товарищи по работе называли их часто дальневосточниками.

Вспоминая о военном времени, П. И. Плаксин рассказывал: «После окончания Челябинского военного авиационного училища штурманов 30 декабря 1940 года меня направили на Дальний Восток в морскую авиацию. Летали мы тогда на гидросамолетах МБ-2. Двигатель у этих машин находился наверху, над головами летчиков.

Штурман располагался в первой кабине. Когда случались аварии, пилон, на котором крепился двигатель, не выдерживал, и мотор с пропеллером падал на кабину штурмана. У нас такие случаи бывали.

Весть о начале войны с Германией меня застала в Николаевске-на-Амуре, а день победы над Германией мы отмечали уже на границе с Маньчжурией, хорошо понимая, что это еще не все, что наступает наш черед. Действительно, вскоре нас перебросили на границу с Южным Сахалином. Местность в тех краях гористая, труднопреодолимая, поэтому много там наших полегло. Первые два дня войны с Японией мы с подвешенными бомбами сидели на аэродроме и ждали, когда дождь закончится. Но уж когда установилась летная погода, наша эскадрилья продемонстрировала сполна свою мощь. Намеченные цели мы разнесли до основания, а своих только два самолета потеряли.

Самое-самое, что запомнилось с тех времен, конечно же, стремление авиаторов-дальневосточников на германский фронт. В 1942 году я вступил в партию. Ради портфеля на фронте в партию не вступали. Я, например, считал, что теперь-то мой путь проляжет на Западный фронт. Но нам сказали: «Не Германский вам будет фронт, а Японский». Так оно и вышло».

«А меня первый день войны застал на Дальнем Востоке в районе бухты Перевозная, где проходил службу в полковой школе в качестве курсанта, — подключился к разговору Ш. З. Айбулатов. — С тревогой мы слушали сообщение по радио о нападении Германии на СССР. Через неделю всю нашу школу отправили на Западный фронт. Меня же в числе 22 курсантов оставили для формирования нового пограничного полка, предназначавшегося для выполнения экстренных поручений по охране государственной границы, поскольку отношения между СССР и Японией были более чем напряженными. Газета «Правда» сообщала тогда об одном из инцидентов на заставе Угловая, в которой отличился и был награжден ефрейтор Аникин.

День победы над Германией мы ожидали, и все-таки застал он нас врасплох. Во время заседания выездного партбюро 10-й отдельной пограничной комендатуры — я тогда служил на заставе Орловка — мы

вдруг услышали шум и крики на улице. Затем прибегает запыхавшийся мой коновод и сообщает: «Победа!» Конечно, мы понимали, что это еще не конец войны и что теперь мы должны сказать свое слово.

Наибольшее впечатление, оставшееся от военного времени в моей памяти, это гибкое политическое, оперативное руководство нашего правительства в отношении Японии. Мы на себе это чувствовали. Ведь если бы Япония вступила в войну на стороне Германии, обстановка многократно бы усложнилась, а путь к победе был бы еще труднее».

Накануне 50-летия Победы Павел Иванович Плаксин и Шакир Зайнетдинович Айбулатов находились на пенсии. Здоровье у обоих сильно пошатнулось. Но не падали духом ветераны, строго следуя старинному девизу дальневосточников: «Без боя не сдаваться».

ТРАГИЧЕСКОЕ И СМЕШНОЕ

Мы отступали. Нас преследовали танки. В районе станции Дергачи между деревьями я неожиданно увидел сани нашего командира дивизии генерала Серышева (он ездил в санях, запряженных тройкой лошадей). Танк выстрелил. Снаряд разорвался почти у самых саней. Одна лошадь упала. Кто-то закричал: «Генерала убило!» Я бросился к саням. Сраженная лошадь пыталась встать, но тут же падала. Ездовой, тоже тяжело раненный, уткнулся головой в задние ноги лошади. Быстро уложил его в сани рядом с генералом. Отстегнул раненую лошадь, развернул сани и погнал лошадей. Лошади быстро вынесли нас из-под обстрела. Сани легко катились по талому снегу. Встречный ветер обжигал лицо. И до боли было обидно, что уже никто ничем не может помочь нашему генералу. Осколок снаряда попал ему прямо в затылок. В таких случаях говорят: «Убит наповал».

Так вспоминал о военном времени Иван Павлович Баранов — скромный труженик, бывший инструктор парткома треста «Челябметаллургстрой». В его воспоминаниях есть все: и радость победы, и горечь поражения, и леденящие душу картины рукопашного боя, и веселый солдатский юмор. Свидетелем одного забавного случая ему довелось стать уже по завершению боевых действий:

«После окончания войны наша часть стояла в Австрии, в городе Бадене, это там, где недавно шахматный матч на первенство мира проходил. Мы готовились к выборам. Нашим кандидатом в депутаты был командир авиаполка, дважды Герой Советского Союза Глинка. Мне поручили сопровождать его на встречу с избирателями. Командир

полка Глинка выслушал меня и говорит: «Ты знаешь, мне легче пять самолетов сбить, чем один раз на вашем собрании выступить».

Действительно говорил он тяжеловато. Мужик он крепкий. Когда на нашей встрече к трибуне выходил, нечаянно задел плечом огнетушитель, висевший на стене. Огнетушитель упал клапаном вниз и сработал. Случилось невероятное: прославленный ас, лично сбивший три десятка самолетов противника, на этот раз растерялся и не знает что делать. А огнетушитель хлещет прямо на президиум. Президиум разбежался. Пришлось закрыть сцену, навести порядок и уж только потом продолжить собрание».

Несмотря на солидный возраст, Иван Павлович не мог сидеть без дела. До конца дней своих он продолжал работать плодотворно и уверенно.

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

В глубоком тылу в семьях, придавленных войной, самым большим горем считалось получение похоронки с фронта. На капитана Петра Михайловича Кузнецова, начавшего войну в составе 222-й стрелковой дивизии, такие похоронки в его родной дом в Ульяновской области приходили три раза.

Первый раз — в октябре 1943 года. Тогда его родственники погрузились в траур. По старинному русскому обычаю устроили по погибшему поминки. И вдруг получают от Петра письмо, собственноручно им написанное, с сообщением, что он жив, ранен, находится в госпитале. Траур немедленно в семье Кузнецовых сменился праздником. До слез радовались мать и отец, ликовали четыре сестренки и два младших брата. А П. М. Кузнецов, пройдя курс лечения, вернулся в свою часть и с боями продолжил путь на запад.

В июле 1944 года в Белоруссии, выбив немцев из небольшого селения, бойцы, пересчитав живых, раненых и убитых, выяснили, что в строю осталось чуть больше роты, в том числе три офицера, среди которых старшим по званию был помощник начальника политотдела по комсомолу П. М. Кузнецов. Он и принял на себя командование. Немцы, не желая мириться с потерей важного в тактическом отношении населенного пункта, предприняли отчаянную контратаку силами до полка, укомплектованного штрафными подразделениями исключительно офицерского состава, а также подразделениями эсэсовцев и «власовцев».

«Они пьяные, уперев автоматы в живот, стреляя на ходу, пошли на нас, — вспоминал П. М. Кузнецов. — Мы встретили их дружным огнем

из укрытий. На их нахрапистые действия ответили такими же контрдействиями. Дело дошло до рукопашной. Внешне они здоровые битюги, а физически, нужно признать, оказались слабее. Нам хорошо помогала батарея из шести орудий. Я не знаю, сколько человек из их полка остались в живых, но расколошматили мы его полностью. А в конце боя вблизи командного пункта разорвалась граната. И я почувствовал сильный удар. Правая рука моя сразу повисла, как плеть, и появилось неприятное ощущение теплоты.

Очнулся в госпитале. Здесь же узнал, что меня опять поспешили похоронить, земляк Алеша Канареев уже сообщил на родину о моей «гибели». Поскольку рука у меня не работала, попросил медсестру написать под диктовку письмо домой, чтобы успокоить родных.

Третий раз меня «похоронили» в конце войны, когда после взятия Берлина нас усадили десантом на танки и бросили на помощь восставшей Праге. 8 мая в горах путь нашей колонне преградила немецкая часть с артиллерией. Мы спешили и вступили в бой. Немцев разбили. Танки ушли в Прагу, а меня, получившего осколочные ранения в голову и ногу, подобрали вместе с другими ранеными и препроводили в госпиталь на Одере. Так после Пражской операции, моя фамилия оказалась включена в список безвозвратных потерь, и вновь моим родителям ушло, на этот раз из Праги, скорбное извещение – похоронка.

В госпитале «досрочно похороненным» я оказался не один, были еще подобные бойцы и командиры. Врачи именовали меня и их «смертниками». Однажды приехал медицинский начальник, ознакомился с обстановкой и приказал всех «смертников» отправить долечиваться в отпуск на родину.

Вскоре я был дома. Сидел за большим обеденным столом, пил чай с сахаром в прикуску. Отвечал на многочисленные вопросы односельчан. Любовался природой нашей сельской окраины и думал, как хорошо, что не добрались до здешних мест оккупанты.

После войны П.М. Кузнецов окончил Ленинградский высший военный педагогический институт и продолжал службу в армии. Дослужился до полковника. Выйдя на пенсию, возглавил Челябинский областной совет ветеранов. За ратные подвиги он награжден тремя орденами Отечественной войны, тремя орденами Красной Звезды, Польским крестом (за битву под Ленино), медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

На просьбу поделиться воспоминаниями о войне Петр Михайлович ответил: «Да поговори с кем-нибудь погероическое, чем я, а у меня

сейчас голова болит оттого, что не знаю, где денег взять, чтобы оплатить рецепты на медикаменты для инвалидов войны». Чувствовалось, что в совете ветеранов столько требующих решения проблем, что его председателю просто не до воспоминаний.

12 марта 1996 года, то есть через 50 лет после войны, П.М. Кузнецов выехал на автомашине в командировку в Магнитогорск. А через некоторое время по телефону, якобы водитель сообщил, что Петр Михайлович скончался в пути. Администрация связалась со всеми постами ГАИ на трассе, а машину обнаружить не удалось. Началось замешательство. Пришлось даже поднять в воздух вертолет.

- Приезжаю я к главе администрации Магнитогорска,- рассказывал Петр Михайлович,- захожу в его кабинет, а он смотрит на меня как-то странно и говорит:

- Да ты что, приехал что ли?

- Да, приехал, - отвечаю.

А когда я узнал о телефонном звонке, удивился не менее главы администрации. И до сих пор не могу понять, кому пришла в голову такая недобрая шутка. Много раз обстоятельства предопределяли мне путь «на тот свет», а я живу всем чертям назло, потому что очень люблю жизнь и свою Родину. А Родину не только нужно любить, ее еще нужно уметь защищать. Сейчас нередко ведутся дискуссии на тему: «Был ли готов или не готов СССР к войне с Германией». За СССР я говорить не буду, а за себя лично и за своих сверстников могу сказать твердо: Мы к защите своего Отечества были хорошо подготовлены. Еще обучаясь в школе, мы сдавали нормативы на значок ГТО (Готов к труду и обороне), которые включали в себя бег, прыжки, метание гранаты, лыжные гонки, плавание, подтягивание на турнике и, конечно же, стрельба из малокалиберной винтовки, то есть выполняли наказ нашего великого поэта В.В. Маяковского:

« Когда война метелица придет опять, Должны уметь мы целиться, Должны уметь стрелять...»

А целиться, и стрелять – это главная составляющая солдатской профессии. Поскольку, как говорят старые люди, порох нужно всегда держать сухим, мы-ветераны, выступаем за возвращение нашей молодежи возможности бесплатно заниматься в спортивных секциях и за возвращение в полном объеме комплекса ГТО. Но общественность в этом нас пока поддерживает слабо. Я думаю, что это временное явление, ГТО всем смертям назло обязательно возродится.

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Музыка Д. Покрасс

Слова Лебедев-Кумач

(Из коллекции песен наших отцов и дедов)

Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет.
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет.

Припев

На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров.
Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов.

Если завтра война, всколыхнется страна
От Кронштадта до Владивостока.
Всколыхнется страна велика и сильна
И врага разобьем мы жестоко.

Припев

Полетит самолет, застрочит пулемет,
Загрохочут могучие танки.
И линкоры пойдут и пехота пойдет,
И помчатся лихие тачанки.

Припев

Мы войны не хотим, но себя защитим.
Оборону крепим мы не даром.
И на вражьей земле мы врага разобьем,
Малой кровью могучим ударом.

Содержание

От Урала до Берлина	5
Спасибо Овинов	9
Фронтовые будни	18
Рассказ полкового комсорга	22
Комиссар Летягин	32
Прорыв	36
Последний бой, он трудный самый	38
Правда о войне	41
Глава большого семейства	47
Дальневосточники	49
Трагическое и смешное	51
Всем смертям назло	52
Если завтра война	55
Содержание	56

Попов Лев Алексеевич

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

(Вспоминают ветераны г. Челябинска)

Серия 1. От Урала до Берлина.